

ПЛАТОНЪ И ФИЛАРЕТЪ, МИТРОПОЛИТЫ Московскіе.

(Сравнительная характеристика ихъ нравственнаго облика ¹⁾.)

Ваше Преосвященство,
Мм. Гг.

Когда родная семья вспоминаетъ своего отца, его образъ предносится ей такимъ, какимъ она привыкла видѣть его подъ кровлей роднаго дома, среди заботъ и трудовъ о счастья родной семьи, въ простотѣ и непосредственности общенія домашняго быта.

Эта школа, въ которой мы сейчасъ собрались почтить память знаменитаго русскаго іерарха, была создана имъ на склонѣ лѣтъ своихъ, какъ духовная семья, которой онъ отдалъ себя и свое сердце, какъ отецъ родной семьи. Это не метафора, не гипербола, это фактъ, несомнѣнный историческій фактъ, засвидѣтельствованный всеннытующимъ окомъ историка ²⁾.

Вотъ почему для этой школы и для всѣхъ, связанныхъ съ нею узами духовнаго родства, больше всего дорогъ образъ митр. Платона не въ величиніи іерархическаго служенія, но въ простотѣ того быта, который онъ велъ здѣсь, въ своей любимой Впечани.

¹⁾ Рѣчь, произнесенная (въ сокращеніи) на торжественномъ актѣ Впечанской духовной семинаріи 11 ноября 1912 г. въ память столѣтней годовщины со дня кончины митрополита Платона.

²⁾ См. рѣчь прот. А. А. Бѣляева: „Митрополитъ Платонъ, какъ строитель національной духовной школы“. Богосл. Вѣстн., 1912 г., декабрь. Относящіяся сюда статьи его же въ „Душ. Чит.“ разныхъ годовъ перечислены въ нашей статьѣ: Объ изученіи жизни и трудовъ и чествованіи памяти Платона, митрополита Московскаго. Богосл. Вѣстн. 1912 г., май.

Здѣсь дорогъ его образъ въ изношенномъ китайчатомъ полукафтанѣ, въ соломенной шляпѣ на головѣ, въ туфляхъ на босую ногу: здѣсь съ наибольшей любовью помнится онъ на хорахъ созданнаго имъ храма, правящимъ клиросную должность, читающимъ часы и апостоль, подающимъ кадило и теплоту; у воротъ монастырскихъ бесѣдующимъ со старцами монастырскими и богадѣленными, шествующимъ пѣнкомъ по окрестнымъ рощамъ въ дружеско-отеческой бесѣдѣ съ наставниками и питомцами созданной имъ школы...

Здѣсь самая дорогія реликвиѣ—бѣдная соломенная шляпа, оставленная въ монастырскихъ кельяхъ незабвеннаго іерарха, краткія помѣтки на рукописяхъ, автографахъ и книгахъ, завѣщанныхъ дорогому дѣтищу — семинаріи: „все то писано моею рукою... хранить въ библіотекѣ Виѣанской семинаріи“..., и скромная гробница съ составленной самимъ архипастыремъ надписью: „здѣсь погребенъ тѣломъ Пресвященный Платонъ, митрополитъ Московскій, архимандритъ Троицкія Лавры и сея Виѣанскія обители и при ней семинаріи основатель“. На этихъ и подобныхъ скромныхъ реликвияхъ, которыя хранитъ Виѣанія, ярче всего лежитъ печать особой близости *сердца* незабвеннаго архипастыря. Эти и подобныя реликвиѣ ярче всего свидѣтельствуютъ, что человекъ, который создалъ Виѣанію, отдалъ ей не только свой трудъ, но и свое сердце. И оно-то, въ своемъ сокровенномъ біеніи, есть самое дорогое для Виѣаніи и этой школы, самое для нея дорогое изъ того, что исторія связываетъ съ именемъ Платона.

На этомъ - то самомъ дорогомъ для всѣхъ, связанныхъ съ этой школой дорогими узами духовнаго родства—*на священной тайнѣ сердца митрополита Платона* я и позволю себѣ остановить вашъ благоговѣнный взоръ.

* * *

Тайна сердца—это тайна внутреннихъ движеній и порывовъ души, результатомъ которыхъ являются человѣческія дѣла, малыя ли, великія ли; это — тайна того жизненнаго идеала, предъ которымъ молится сердце въ сокровенныхъ тайникахъ своихъ, какъ предъ самою дорогою святынею жизни, и въ даръ которому приносить все силы души и тѣла, которому оно, правда, по временамъ въ безсиліи измѣ-

няетъ, но послѣ паденій съ тѣмъ большею силою снова влечется и, пытаясь воплотить во вѣѣ, налагаетъ печать индивидуальности на весь дѣла жизни.

Дѣла жизни сто лѣтъ назадъ въ этотъ самый день и почти вотъ въ этотъ самый часъ почившаго знаменитаго русскаго іерарха настолько велики, что и самъ онъ заслуживаетъ имени великаго іерарха русской церкви.

Въ исторіи русской церкви новаго времени на протяженіи двухъ столѣтій среди ея дѣятелей есть только два имени, съ которыми не можетъ равняться по историческому значенію ни одно другое: это Платонъ и Филаретъ, митрополиты московскіе. Платонъ и Филаретъ—учитель и ученикъ, это какъ бы два великія солнца, предъ которыми все другіе дѣятели русской церковной исторіи новаго времени только лишь звѣзды. Но между собой эти два солнца настолько близки по своей величинѣ и силѣ блеска, что не знаешь, и кажется невозможнымъ опредѣлить: какое больше, какое сильнѣе свѣтомъ, чѣмъ одно отличается отъ другого. Платонъ и Филаретъ—это двѣ преемственно смѣняющіяся эпохи въ исторіи русской церкви—въ исторіи русской церковной мысли и жизни. Эти двѣ эпохи смѣняются одна другую, сливаясь непримѣтно въ одно непрерывное почти столѣтнее цѣлое, преобразившее съ корня весь строй церковной жизни. Время, прошедшее отъ смерти Филарета, конечно, наложило и свою печать на церковное наследіе жизни и дѣятельности двухъ великихъ іерарховъ и даже очень глубокую, но все же, куда бы вы не обратили свой взоръ въ современномъ строѣ русской церковной жизни, всюду и вездѣ вы встрѣтитесь съ дѣломъ жизни Платона или Филарета, или обоихъ вмѣстѣ...

Особенно ярко это чувствуется въ первопрестольной Москвѣ, гдѣ каждый изъ нихъ святительствовалъ столько, сколько ни одинъ изъ московскихъ архипастырей новаго времени: Платонъ 37 лѣтъ (съ 31 января 1775 г.), Филаретъ 46 лѣтъ (съ 3-го іюля 1821 г. по 19 ноября 1867 г.), оба вмѣстѣ—83 года.

Войдете ли вы въ Чудовъ монастырь въ Кремль, чтобы преклониться предъ ракой святителя Алексія, вы увидите тамъ среди убранства церковнаго много такого, что носитъ явную печать дѣла рукъ послѣ платоно-филаретовской эпохи. Но у той же раки святителя Алексія вы увидите саккосъ и

другія святительскія одежды митр. Алексія; попробуйте поинтересоваться: откуда они здѣсь, и вы узнаете, что ихъ отыскала и положила сюда со многими заботами и препятствіями заботливая рука митр. Платона ¹⁾; поинтересуйтесь дальше, чьей рукой возсозданъ монастырь въ своей основѣ, и вы услышите—рукою все того же архипастыря. Подойдете ли вы къ покоямъ митрополитовъ московскихъ на Троицкомъ ли подворьѣ, въ Чудовѣ ли монастырѣ, въ загородномъ ли Черкизовѣ, вы замѣтите признаки капитальныхъ перестроекъ новаго, нашего времени, но все это—перестройки на основаніи, закрѣпленномъ трудами митр. Платона ²⁾. Не

¹⁾ Въ автобіографіи м. Платонъ пишетъ: въ семь 1805 году случилось для митрополита удовольственное, что утварь чудотворца Алексія: сажь, подризникъ, епитрахиль и крестъ, коимъ до нынѣшняго года прошло 441 года, которая утварь вся скрыта была въ Патріаршей ризницѣ, по просьбѣ Платона, и по соизволенію Государя Императора, отдана въ Чудовъ монастырь, гдѣ мощи Чудотворцовы опочиваютъ и митрополитъ возымѣлъ желаніе, посохъ поставивъ при гробѣ Чудотворца, а и прочую его утварь выставить для народнаго зрѣнія и удовольствія, въ особомъ открытомъ шкаффѣ, воалѣ самого гроба (См. Снегирева „Жизнь московскаго митрополита Платона. Изд. 4-е. М. 1891, стр. 252. Существуетъ отдѣльное изданіе Автобіографіи С. К. Смирнова). „Обрадованъ я, пишетъ Платонъ въ письмѣ викарію Августину отъ 12 февраля 1805 г., что облаченіе святителя Алексія дозволено въ Чудовѣ выдать, какъ пишутъ изъ Пѣтера. Но вмѣсто того просятъ подворья на Фонтанкѣ для архіереевъ... (Письма Платона м. Московскаго къ преосвященнымъ Амвросію и Августину. Съ примѣчаніями С. Смирнова. М. 1870 г., стр. 102).

²⁾ „Надлежитъ сказать, пишетъ Платонъ въ автобіографіи, о хозяйствѣ Московскаго Архіерейскаго дома, не только нельзя было въ немъ жить, но и ничего почти въ немъ не было; и онъ привужденъ былъ жить на подворьѣ Троицкомъ, что у Сухаревой башни. Ибо во время мятежа бывшаго въ 1771 году, и убіенія Архіерея, Архіерейскіе покои были внутри разорены и разграблены: такъ же и конюшня и экипажъ весь. А между тѣмъ, по небытіи до 1773 года хозяина, не безъ того, что и отъ другихъ, или запущено, или недостатокъ и умноженъ. Заботило сіе Платона. Пожаловала Императрица безъ просьбы, сама собой на построеніе новаго дома 40000 р. И онъ построилъ новый домъ, въ томъ видѣ, въ коемъ онъ теперь зрится всѣми. Такъ же и въ церквахъ Чудовскихъ, все поправилъ и украсилъ; и ризницу весьма всякою утварью умажилъ, которая до того времени весьма была недостаточна: какъ то сіе всякъ видѣть можетъ, кто волюбываетъ узнать, что до Платона въ Чудовскихъ церквахъ и въ ризницѣ было, и что при немъ было... Такъ же не оставилъ и загороднаго Черкизовскаго дома, который былъ крайне запущенъ, и къ паденію склоненъ. Онъ его возобновилъ во всемъ прстроилъ, новые построилъ служ-

говору уже о Троицкой Лаврѣ: здѣсь ¹⁾, можно сказать, трудно указать, что бы не было Платоново или Филаретово ²⁾.

И совершенно точно такъ же попробуйте разобрать по составнымъ элементамъ нашу наличную богословскую науку, наличный строй духовной школы, наличный церковный строй, и вы откроете, что то идетъ отъ Платона, а то отъ Филарета. Наслѣдіе Платона и Филарета здѣсь усложнено новыми элементами, то положительными, то отрицательными, конструировано поповому, но и въ этой новой, болѣе сложной конструкции, дѣло Платона—Филарета лежитъ всюду краеугольнымъ камнемъ.

Первоклассные умы, первоклассные историческіе дѣятели съ выдающимся историческимъ значеніемъ въ исторіи русской церкви новаго времени—таковы эти два іерарха Платонъ и Филаретъ—учитель и ученикъ—по величію дѣлъ жизни своей ³⁾. Здѣсь, можно сказать, они нераздѣльны. Это два одинаковыхъ солнца, или лучше даже, одно и то же великое солнце.

Но есть солнце лѣтнее, и есть солнце зимнее... Дѣйствіе

бы, садъ въ порядокъ привелъ, и кругомъ обнесъ оградою каменною. Возобновилъ прорвавшійся прудъ, поставилъ мельницу,—и прочее, что все исчислять трудно. И все сіе производилъ коштомъ монастырскимъ; ибо, при заведеніи вѣрнаго и добраго хозяйства, доходы весьма, противу прежняго, умножились. И на все устроеніе слишкомъ доставало (Автобіографія изд. Снегирева, стр. 231).

¹⁾ Получаявъ на оную (Троицкую Лавру) до 30000 р. построилъ, вмѣсто ветхой старой, новую ризничную палату, сдѣлалъ новый иконостасъ, обложилъ весь серебромъ, въ Троицкомъ соборѣ, и росписалъ по стѣнамъ на золотѣ; то же и въ трапезной церкви, и у Никона, и у Михея, и въ Сочественской церкви, вездѣ новые иконостасы, и вновь росписавъ стѣннымъ писаніемъ и въ больничной церкви новый иконостасъ, и у Смоленской вновь росписавъ по стѣнамъ и крыльцо новое у Успенскаго собора и двѣ палатки новыя, Серапіоновскую и Максимовскую, и оградивъ оградою каменною Корбуху и садъ, что при Лаврѣ, и другія многія сдѣлавъ постройки и поправки, что все исчислить подробно не безъ трудности, да и въ печатномъ Лавры описаніи то усмотрѣть можно (Автобіографія, стр. 232).

²⁾ О слѣдахъ дѣятельности м. Платона въ церковномъ бытѣ Московской епархіи см. особенно Снегиревъ, Жизнь, ч. I стр. 42—45.

³⁾ Литература по характеристикѣ дѣятельности м. Платона указана въ нашей упомянутой статьѣ; Объ изученіи жизни и трудовъ и чествованіе памяти Платона м. Московскаго.

ихъ по существу одно и то же, и плоды нераздѣлимы, но одно животворить и грѣбеть, а другое животворить, но не грѣбеть. Таковы Платонъ и Филареть въ своей дѣятельности.

Почему? Отчего? Въ чемъ тайна этого индивидуальнаго различія?

Это тайна ихъ сердца, тайна жизненнаго идеала, которому молились ихъ сердца.

I.

Святую своего сердца, сущность своего жизненнаго идеала м. Платонъ начерталъ въ одной изъ своихъ проповѣдей у святц. гробницы преп. Сергія.

Останавливаясь на словахъ евангелія: „пріидите ко мнѣ, труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы. Возьмите иго мое на себе, и обряцете *покой* душамъ вашимъ“, м. Платонъ говоритъ:

„Сей гласъ Евангельскій всѣхъ праведныхъ столь возжегъ сердца, что они не давали сна очамъ своимъ, и рѣсницамъ своимъ дреманія, доколѣ не обрѣли покоя сего. Но... сей *покой не состоитъ въ томъ, чтобы оставить всѣ мірскія должности и попеченія*, то есть, чтобы оставить домъ, жену, дѣтей, промыслы, и удалиться въ уединенное мѣсто. Нѣтъ. Сіи попеченія намъ отъ праведной судьбы назначены: въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой... Да они же не токмо не отводятъ отъ спасенія, но и суть средствомъ ко спасенію: ибо исправленіемъ должности своея пользуемъ мы общество, и воспитаніемъ дѣтей пріуготовляемъ добрыхъ гражданъ... Да и примѣтите вы въ Евангеліи: оно, прызывая насъ къ покою, тотчасъ придаетъ: „возьмите иго Мое на себе“. Вотъ иго: и хотя сказано „иго Мое“, а не мірское; но всякій трудъ, всякое попеченіе, по учрежденію Божію отправляемое, съ пользою своею и общею, есть иго Божіе.

И не можетъ извиниться таковой, что онъ вмѣсто того будетъ упражняться въ единой молитвѣ и богомысліи. Ибо одно дѣло Божіе другому подрывомъ служить не должно, и сіи дѣла суть совмѣстны: одно другому не только не противно, но и одно другому помогаетъ ¹⁾...

¹⁾ Поучительныя слова при Высочайшемъ Дворѣ Ея Императорскаго Величества благочестивѣйшія великія Государыни Екатерины Алексѣевны,

Правда, Евангеліе заповѣдуетъ отреченіе себя: иже хоцетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе.

„Отрещись самого себя, разсуждаетъ Платонъ въ другой проповѣди, повидимому есть вещь невозможная; ибо кажется что въ семъ заключается нѣкоторое противорѣчіе, чтобы быть мнѣ самому, и отрещись мнѣ же самого себя. А хотя бы и можно было, то опять, кажется, не должно. Ибо отрещись самого себя, видится, что надобно бы было отказаться отъ тѣхъ Создателевыхъ законовъ, на которыхъ движенія нашего тѣла и души основаны. Такія Святого Писанія недовольно ясныя мѣста, есть ли надлежаше истолкованы не бѣдутъ, бывають для другихъ случаевъ къ соблазну.

Приведенное нами о отверженіи себя Христово слово одни толкують, что отрещись отъ себя есть: всѣ склонности, не дѣлая между ними справедливаго различія, умерщвлять и изсушать, такъ сказать, источникъ челоуѣческихъ дѣйствій“, что „должны мы пренебрегать жизнь сию, что, помышляя единственно о будущей жизни, куда ведетъ насъ евангеліе, аки бы не должны мы какое либо о жизни сей имѣть попеченіе, и желать дабы она скорѣе прешла, аки для насъ ненужная или вредная ¹⁾. Другіе думаютъ, что нельзя отрещись самого себя, развѣ себя удалить отъ всякаго съ людьми сообщенія и оградиться горами отъ опасности мірскихъ соблазновъ. Иные, толкуя оное жъ слово, разсуждаютъ, что для отверженія себя не довольно исполнять обязательства, какія мы на себя приняли, вступая въ число благословеннаго христіанства; но надобно еще себя обременять другимъ, не знаю чѣмъ; и для того оное Христово слово, чтобы отрещись себя, относить не до всѣхъ обще-христіанъ, но токмо до нѣкотораго извѣстнаго людей состоянія ²⁾.

Такія и подобныя толкованія, по мнѣнію Платона, „ни съ духомъ Евангелія, ни съ намѣреніемъ Господа нашего ни мало не сходственны ³⁾; они даютъ случай остроумнымъ, по-

самодержицы Всероссийскія и въ другихъ мѣстахъ съ 1763 года по 1780 годъ сказанныя Его Императорскаго Высочества Учителемъ и Придворнымъ Проповѣдникомъ... Платономъ, архіепископомъ Московскимъ и Калужскимъ. Т. IV, стр. 113—115. М. 1780.

1) Поучительныя слова, XVIII стр. 200.

2) Ср. XII, 24.

3) XVIII, 203.

длинно, но не довольно разсудительнымъ людямъ, не свято думать о истинѣ христіанской, вмѣсто того, чтобы такъ думать о несправедливыхъ ея толкователяхъ...

„Такового ученія въ свѣтѣ не было, чтобы о житейскихъ нуждахъ никакова не имѣть попеченія: да и быть не можетъ“¹⁾.

Человѣкъ есть животолубивъ. Сія истина есть естественна, яко отъ Бога вліянна. Ибо еслибъ человѣкъ не былъ животолубивъ: онъ не радѣлъ бы о себѣ: онъ при всякомъ прискорбномъ случаѣ лишитъ себя жизни приступилъ бы безъ затрудненія: онъ подобенъ былъ бы дикому звѣрю всякаго терзающему; ибо былъ бы подобенъ отчаянному. Могъ ли бы таковой о другаго пользѣ, или о сохраненіи другаго жизни подумать; когда бы собственную свою презиралъ? Сія къ жизни сей любовь есть не только нужна для благоденствія чловѣка, но и есть связь общества. Когда я люблю жизнь свою: буду беречь и другаго; ибо по собственному животолубію разсуждаю, сколь дорога она должна быть и другому. Когда люблю свою жизнь: ищу всего полезнаго для сохраненія ея цѣлости; а тѣмъ самымъ обязываю себя и другаго пользу наблюдать, вѣдая, что нарушеніе оной въ другомъ столь должно быть чувствительно, сколько-бъ то чувствительно было для меня самого. И потому для любви къ ближнему положилъ правиломъ Спаситель любовь нашу къ самимъ себѣ: возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себе (Мѡ. гл. 12, ст. 31). А сіе означаетъ, что *не любящій самого себя, другаго любить не можетъ*“²⁾.

Боговложенная любовь къ себѣ, обязываетъ чловѣка трудиться надъ развитіемъ своихъ силъ и способностей.

„Человѣкъ рождается на труды. Сія истина не токмо несумнительна, но и естественна намъ, и источникъ нашего щастія. Свойство и тѣла и духа нашего требуетъ, чтобы мы во всегдашнемъ были движеніи. Всѣ въ тѣлѣ нашемъ соки и кровь непрестанное теченіе и круженіе имѣютъ: и еслибъ они начали протекать слабо, соки въ насъ испортятся, и кровь повредится. А сіе наполнить тѣлесный нашъ составъ тлѣніемъ и болѣзнями. Если же бы совсѣмъ въ насъ те-

¹⁾ Поучит. слова, I, стр. 163.

²⁾ Поучит. слова, V, 253—254.

ченіе крови и соковъ остановилось, то воспослѣдуетъ смерть. Почему и зѣло потребенъ трудъ, чтобъ онъ вспомошествовалъ сему животворному теченію, а чрезъ то бы укрѣплялъ здравіе, и продолжалъ жизнь.

„И какъ мы паче всего обыкли желать здравія и жизни долговременной, и сіе благо почитаемъ величайшимъ, то отъ насъ самихъ зависитъ, даровать себѣ сіе сокровище. Средство къ приобрѣтенію и сохраненію того всегда есть въ рукахъ нашихъ. Притомъ какъ труды сохраняютъ здравіе: такъ взаимно здравый составъ всякіе труды подѣмлетъ съ удобностью и легкостью; труды, доставляющіе намъ всякія выгоды житейскія. Съ помощію ихъ снискиваемъ мы себѣ лучшую пищу и питіе: украшаемъ брнное тѣло свое многоразличными и красными одѣянїями, сооружаемъ огромныя, не болѣе къ спокойствію, какъ и къ увеселенію служащія зданїя; и тѣмъ отвращаемъ всякія нужды, которыя бы могли учинить жизнь нашу скучною и печальною.

„Да не тѣло токмо въ трудахъ находитъ свое подкрѣпленіе, но и самая душа. Силы ея и способности такъ же всегда обращаются въ своемъ родѣ движенія, которое, чѣмъ есть больше, тѣмъ мысль становится понятнѣе, разумъ просвѣщеннѣе, желаніе живѣе, воля скородвижнѣе, охота стремительнѣе. А какъ душа съ тѣломъ соединена тѣснѣйшимъ союзомъ, то чѣмъ болѣе трудъ укрѣпляетъ тѣлесное здравіе, тѣмъ болѣе дѣйствуютъ силы душевныя: чѣмъ болѣе трудъ приводитъ тѣло въ движеніе, тѣмъ болѣе очищаются мысли, и способности свѣжѣе становятся. А изъ сего безъ сумнѣнїя заключать должно, что *труды назначилъ намъ Творецъ, яко наилучшее средство къ сохраненію сея жизни въ покое, довольствїи и благополучїи*“ ¹⁾.

Особенно важенъ трудъ въ отношенїа разума.

„Кто не радитъ о снисканїи настоящаго просвѣщенїа, тотъ расслабляетъ силы своего разума и понятїа. Богъ даровалъ каждому человѣку способность и силу къ повятїю и разсужденію, и симъ то особливо даромъ различилъ Онъ насъ отъ прочихъ животныхъ безсловесныхъ. Сїа драгоцѣнная способность есть сѣмя посѣянное въ сердцѣ нашемъ, которое чтобъ возрасло и принесло плоды, надобно употребить тщаніе и

трудъ... Естьлибъ кто о познаніи... не радиль, не разслабленъ ли онъ? Не связываетъ ли онъ душевныя силы свои, и божественное сѣмя не остается ли въ немъ не только бесплодно, но и разслабленно?" 1).

Отверженіе себя есть отверженіе не задачи и благъ развитія жизни земной, а порока.

„Чтобъ истинное объ отверженіи себя получать понятіе, надобно напередъ увѣреннымъ быть (о чемъ, думая, никто и сомнѣться не можетъ), что человѣкъ часто предпочитаетъ худшее лучшему, что нерѣдко послѣдуетъ чувственнымъ склонностямъ въ предосужденіе здравому разуму, и что не всегда есть точнымъ исполнителемъ закона совѣсти; а чрезъ то, выходя изъ-подъ владычества добродѣтели, дѣлаетъ себя невольникомъ порока. Принявъ истину сію за несомнительную, не трудно узнать, въ чемъ состоитъ отверженіе самого себя. Ибо когда идетъ кто противъ несправедливаго усилія своихъ страстей; когда пріятность чувствъ приноситъ въ жертву пользѣ, утверждаемой разумомъ, и когда наружныя выгоды порока почитаетъ меньше тѣхъ трудовъ, которые ведутъ къ добродѣтели: тогда онъ разрываетъ самый крѣпкій узелъ предразсужденія и пристрастія, тогда онъ принуждаетъ себя оставить пріятность и пользу для чувствъ весьма легкую; тогда онъ побуждаетъ самого себя, и тогда то отвергается себя самого по слову Евангельскому... Отрепись себя, значить, просто сказать, не слушаться самого себя, когда бы мы въ самихъ себѣ чувствовали побужденія, противныя истинѣ, противныя совѣсти и разрушающія истинное блаженство наше“ 2).

Такъ въ чемъ же состоитъ Евангельскій покой? Состоитъ въ спокойствіи совѣсти. А совѣсти спокойствіе тогда есть, когда она тебя ничѣмъ не зазираетъ: когда ты въ неустанномъ трудѣ надъ развитіемъ и примѣненіемъ всѣхъ полученныхъ отъ Бога силъ и способностей „такъ располагаешь своимъ состояніемъ, что исправленіе дѣлъ мірскихъ не отвлекаетъ тебя отъ Бога“ 3); когда человѣкъ заповѣданную отъ Бога „добродѣтель любить саму по себѣ“ и нецѣлостно служить ей всѣми силами души и тѣла, безъ всякой при-

1) Поучит. слова. IV, 284—285.

2) Поучительныя слова. II, 99—102.

3) Поучит. слова. IV, 113—116.

мѣси „корыстолюбія и честолюбія“¹⁾. Въ этомъ покоѣ совѣсти есть самая высшая радость, самое высшее блаженство человека на землѣ.

Таковъ основной принципъ жизненнаго идеала м. Платона—покой совѣсти въ сознаніи недѣльно и неподкупно выполненнаго нравственнаго долга въ отношеніи Божественнаго дара жизни. Съ этимъ идеаломъ предстоитъ *Платонъ* предъ Богомъ и людьми. Но съ этимъ же идеаломъ предстоитъ и *Филаретъ*. *Оба они мужи нравственнаго долга*²⁾. И если по величію дѣлъ жизни своей оба они какъ бы два одинаковыхъ солнца, то, оказывается, и горять они одною и тою же по существу и силѣ напряженія энергіей нравственнаго долга.

Но одно горитъ теплымъ лѣтнимъ свѣтомъ, а другое холоднымъ зимнимъ...

Наука знаетъ, что солнце лѣтнее и солнце зимнее—одно и то же солнце и лучи его одни тѣ же, но солнце лѣтнее грѣетъ потому, что лучи его преломляются и задерживаются въ окружающей землю земной атмосферѣ облаковъ: такъ точно и энергія нравственнаго долга въ нравственной личности Платона приобретаетъ согревающую силу потому, что лучи его преломляются въ густой атмосферѣ *земныхъ человеческихъ чувствъ человеческого сердца*.

Въ своей автобіографіи м. Платонъ настойчиво подчеркиваетъ какъ отличительное свойство своей души то, что онъ былъ „*крайній уединеній любитель*“.

1) См. Поуч. слова, II, 158—162.

2) „Дѣло не о томъ, чтобы уклониться отъ неприяностей, а о томъ, что бы въ запутанныхъ и темныхъ обстоятельствахъ быть полезнѣе и безопаснѣе отъ нарушенія долга“, говоритъ напримѣръ Филаретъ въ одномъ изъ писемъ къ намѣстнику Троицкой Лавры Антонію (Письма, къ Антонію, т. II, стр. 20). „Онъ выработалъ и вывошилъ себѣ твердое убѣжденіе, что въ дѣятельности въ поступкахъ своихъ—какъ любить онъ выражаться—каждый долженъ собразоваться съ внушеніями долга, какъ внутренне создается онъ каждымъ и какъ внѣшне опредѣляется закономъ. „Долгъ и законъ—прежде всего“—вотъ девизъ присвоиваемаго Филарета! Этимъ девизомъ, какъ мѣриломъ правды, опредѣлялъ, и оцѣнивалъ, и уравнивалъ онъ какъ поступки свои, такъ и поступки другихъ, какое бы положеніе въ обществѣ ни занимали эти другіе“... Проф. Н. А. Заозерскій: „Митрополитъ Филаретъ, какъ администраторъ и судья въ Московской епархіи. Сборникъ, изданный обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія по случаю празднованія столѣтняго юбилея со дня рожденія Филарета, митрополита Московскаго“, Т. II, стр. 42.

Но это уединеніе, котораго Платонъ былъ любитель, не было однако уединеніемъ одиночества иноковъ-отшельниковъ, въ которомъ „удобнѣе подражать безплотнымъ и воспринимать тайныя посѣщенія Св. Духа“, уединеніемъ, которое любилъ Филаретъ ¹⁾. Склонности къ этому настоящему иноческому уединенію Платонъ совершенно не имѣлъ. „Хотя, пишетъ самъ о себѣ Платонъ, былъ (онъ) уединенія любитель: *но скучалъ быть одинъ, и всегда одинъ или два при немъ находились, съ которыми онъ могъ бы откровенно разговаривать*“. Подъ любовью къ уединенію Платонъ разумѣлъ то свое свойство, что „множества людей, особливо ежели съ ними надобно было обходиться церемоніально и неоткровенно, всемѣрно убѣгалъ“ ²⁾. Отсюда, вообще „нерѣдко немало времени проходило у него въ прохаживаніи, или въ сидѣніи, разговаривая съ пріятелями ³⁾. По поводу нѣсколькихъ годовъ своей жизни Платонъ пишетъ про себя: „Былъ онъ нрава веселаго и словоохотливаго: любить свои разговоры прикрашивать шутивными или забавными словами и въ разговорѣ своемъ всемъ всегда правился и находилъ все удовольствіе его слушать, или съ нимъ разговаривать... Но при всемъ своемъ таковомъ свойствѣ былъ крайній уединенія любитель, чтобъ находиться только у себя дома, съ малымъ числомъ вѣрныхъ пріятелей и друзей обходиться, съ которыми не иначе бы могъ разговаривать, какъ онъ самъ съ собою, безъ всякаго принужденія, со всею откровенностью, и поему все то, что называется церемоніей, для него было несносно. И сію къ уединенію любовь сохранилъ онъ во всю жизнь ⁴⁾. Живучи и при Дворѣ, не оставилъ своей любви къ уединенію, рѣдко когда выѣзжалъ, и то болѣе къ духовнымъ. Но вмѣсто того, всегда почти у него собраніе было иностранныхъ людей, яко то: грековъ, сербовъ, далматовъ, французовъ, пѣмцевъ, итальянцевъ и другихъ: ибо онъ съ ними обращаться и разговаривать особенную всегда охоту имѣлъ. Собирались они всегда къ нему или на обѣдъ, или по вечерамъ. И отъ такого обращенія онъ много пользовался,

¹⁾ Слова и рѣчи м. Филарета, т. I стр. 130. М. 1848 г.

²⁾ Автобіографія, стр. 262.

³⁾ Автобіографія, стр. 262.

⁴⁾ Автобіографія, стр. 209.

ибо изъ нихъ многіе были ученые и свѣтъ знающіе ¹⁾). Проживая въ Вѣнѣ, Платонъ имѣлъ обыкновеніе каждый день въ пятомъ часу пополудни приглашать къ себѣ ректора, префекта и кого либо изъ учителей и, или прогуливаясь съ ними по двору, или, когда не позволяла погода, сидя въ комнатахъ, велъ съ ними разговоръ и никогда не отпуская отъ себя ранѣе десятого часа ²⁾). Несомнѣнно, что только что описанная любовь къ уединенію, не есть любовь къ тому одиночеству молитвеннаго созерцанія Бога, которая свойственна ипокамъ. Это просто любовь къ уединенію интимности дружескаго общенія.

Вотъ эту-то чисто человѣческую земную любовь Платонъ несъ съ собою всюду и вездѣ, и въ атмосферѣ этой то любви суровый и жесткій ³⁾ въ Филаретовскомъ воплощеніи идеаль неподкупнаго нравственнаго долга предъ Богомъ получаетъ у Платона своеобразное преломленіе, своеобразныя, чарующія своею мягкостью, нѣжностью, конкретныя формы жизненнаго воплощенія.

Обычно люди съ указанною склонностью къ уединенію и интимности дружескаго общенія избираютъ тотъ путь жизни, гдѣ моральная атмосфера дружбы, дружескаго единенія является естественной, — *путь жизни семейной*.

Платонъ находилъ, что то „утѣшеніе дружбы, какое даетъ семья, слишкомъ мало, такъ какъ отвлекается тѣми „труд-

¹⁾ Тамъ же, стр. 221.

²⁾ Дневникъ архіепископа Ярославскаго Евгенія Казанцева. Душ. Чт. 1868 г. III, 52.

³⁾ Субъективно въ сознаніи Филарета этотъ идеаль утверждается на почвѣ совершенно чуждаго сердцу Платона ригористическаго взгляда на земную жизнь. Для Филарета здѣсь наиболѣе характерна проповѣдь о любви къ міру (Слова и рѣчи ч. I стр. 17—22 М. 1848), сосредоточивающаяся на раскрытіи двухъ текстствъ: „любовь міра сего вражда Богу есть“ (Іак. IV, 4) и „суета суетствъ, всяческая суета... возненавидѣхъ азъ суетная міра“ (Екк. I, 2; II, 18). Проповѣдь эта, какъ извѣстно, произнесенная при Дворѣ въ 1814 г. въ присутствіи Императрицы вызвала неудовольствіе послѣдней и имѣла результатомъ то, что „голосъ проповѣди Филарета съ тѣхъ поръ уже не слышался въ дворцовыхъ церквахъ, да и вообще сталъ менѣ слышавъ“. Корсунскій, петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета. Вѣра и Разумъ 1884 г. т. I ч. II (отдѣлъ церковный), стр. 493—499. Специальную характеристику (хотя и не всестороннюю) нравственнаго облика м. Филарета см. у проф. А. П. Лебедева „Великій и въ маломъ“ московскій митрополитъ Филаретъ“. Троицкій цвѣтокъ. № 49. Троице-Сергіева Лавра 1906 г.

ностями, съ какими соединено супружеское состояніе“¹⁾. И онъ избираетъ противоположный *путь*— *иноческій*.

Однако иночество самымъ существомъ своимъ идетъ противъ свойства Платона: „не любилъ быть одинъ“, а чтобъ всегда съ нимъ двое или трое находились изъ друзей. Для инокъ самое возжелѣнное и обычное нормальное состояніе— уединеніе кельи въ уединенной молитвѣ предъ Богомъ. Но Платонъ былъ своеобразнаго взгляда на монашество, что оно ни къ чему болѣе человѣка не обязываетъ въ сравненіи съ рядовымъ христіаниномъ, кромѣ безженства. „Онъ о монашествѣ рассуждалъ,—пишетъ Платонъ въ автобіографіи,— что оно не можетъ возложить болѣе обязательства на христіанина, какъ сколько уже обязывало его Евангеліе и обѣты крещенія; и по духу Евангельскому, всякій христіанинъ долженъ быть всегда воздерженъ, смирененъ, послушливъ, трезвъ, богомоленъ, никакими излишними житейскими заботами себя не связывать; а при томъ, хотя можетъ имѣть жену, но слабости плоти, но жить съ нею цѣломудренно, и болѣе, по Апостолу, пребывать въ постѣ и молитвѣ, нежели предаваться сладострастію... При такомъ разсужденіи заключалъ Платонъ: что тотъ будетъ истинный монахъ, который будетъ истинный христіанинъ. А хотя почиталъ онъ безженство нелегкимъ бременемъ для немощи плоти, и чувствовалъ ея подстреканіе: но напротивъ всегда со страхомъ воображалъ супружеское состояніе; какимъ трудностямъ, заботамъ, скорбямъ, бѣдствіямъ подверженъ женатый и мірской человѣкъ, содержитъ жену, домъ, воспитывая дѣтей, устрояя ихъ къ мѣстамъ и всѣмъ имъ во всемъ сострадавая: и ежели какое отъ того получаютъ утѣшеніе и удовольствіе, по сія чаша несравненно болѣе горестью растворена... Все сіе живо воображая, Платонъ ублажалъ *безженную жизнь* и уединеніе, а мірскую оплакивалъ: а чрезъ то и борьбу плоти нѣсколько облегчалъ“²⁾.

¹⁾ Автобіографія, стр. 213.

²⁾ Автобіографія 212—213. Характерны мысли Платона о бракѣ и безбрачій и монашествѣ, встрѣчающіяся въ проповѣдяхъ. „Чувствовать въ себѣ вождѣніе къ плотскому соединенію, и разженіе сіе установленнымъ стѣ природы порядкомъ погасить, кажется не только быть сроднымъ, но и невозможнымъ, чтобъ человѣкъ сею немощію обложенный инаковымъ образомъ и поступить могъ. Но чудесный Богъ не оставилъ явить намъ

Такъ для Платона иночество это только „безженная жизнь и уединеніе безженной жизни“, нисколько не мѣшающія быть всегда въ дружескомъ общеніи. Въмѣсто дружеской человѣческой любви, рождающейся на почвѣ плотского родства, остается дружеская человѣческая любовь, основанная на почвѣ духовнаго родства. И ея то ищетъ сердце м. Платона.

Но откуда, какъ создается это духовное родство, дающее друзей и радость дружескаго общенія? Здѣсь идеаль дружбы пересѣкаетъ собою для сознанія Платона идеаль нравственнаго долга и преклоняетъ его къ землѣ.

Какъ и плотское, духовное родство, по мысли Платона, создается актомъ творчества на пользу, счастье другихъ. Духовное родство создается актами добротворенія по требованію нравственнаго долга; и чѣмъ интенсивнѣе, шире эти акты. тѣмъ создается болѣе теплая и атмосфера дружбы.

таковыхъ рабовъ своихъ, которые огонь похотвнїа совсѣмъ погасили, среди сей разженной печи остались неопалимыми, сохранили чрезъ всю жизнь дѣвство и дѣломудріе, и во плоти пожили, яко безплотные. А нѣкоторые, не удалившіеся въ горы и пустыни, но живучи въ мірѣ, да еще имѣя всегда при себѣ законныхъ супруговъ, по взаимному согласію сохранили воздержаніе и поистинѣ ходя по разженнымъ углямъ нимало не опалили ногъ своихъ“ (XV, 670—671). „О удаленіи отъ міра и уединенной жизни должны мы судить, что они не сами по себѣ что нибудь значатъ, или похвалу заслуживаютъ: ятъ! и въ удаленіи отъ міра и въ жизни уединенной можетъ иной быть развратецъ, или лицемеръ, и скрывающій только по наружности свою внутреннюю злость. Таковаго, удаленіе отъ міра, и уединенная жизнь не только не спасаетъ, но болѣе осуждаетъ и погубляетъ. А при удаленіи міра, и заключивъ себя въ уединенной жизни, необходимо потребно, чтобъ оны удалитъ отъ себя всѣ прихоти міра, единъ для единого жилъ бы Бога, и содержа душу въ чистотѣ, а сердце наполнивъ любовью къ Богу и ближнимъ, единственно стремился бы достигнуть вѣчнаго отечества, ничего для себя не желая, и не ища въ мірѣ семъ. При такомъ токмо души расположеніи, удаленіе отъ міра и уединенная жизнь, есть Богоугодна; и она хотя праведника отъ міра удаляетъ мѣстомъ, но не пользованіемъ: далекъ отъ мѣста разстояніемъ, но близокъ спасительнымъ примѣромъ и молитвами (XX, 57—58)... Пусть оны (преп. Сергія) взомель на высокой степени совершенства Евангельскаго. Но я могу сказать, что въ мірѣ живущій, а къ міру не приверженный христіанинъ, не меньше, ежели не больше, возвышаетъ себя. Труденъ сей подвигъ, скажете вы. Конечно труденъ. Но чѣмъ большія встрѣчаются трудности, кои съ помощію Божіею христіанинъ преодолеваетъ: тѣмъ большая награда, тѣмъ свѣтлѣйшая побѣда, тѣмъ знаменитѣйшая слава“ (XVII, 299).

Для наибольшаго же осуществленія дѣла добротворенія состояніе безженное, по мысли Платона, есть самое удобное. На вопросъ Екатерины: зачѣмъ онъ принялъ монашество?—Платонъ отвѣтилъ: „по особой любви къ просвѣщенію“; и на возраженіе: „развѣ нельзя въ мірской жизни умножить просвѣщеніе“?—пояснилъ: „можно, но не столь удобно, имѣя жену и дѣтей и разныя мірскія суеты“. Итакъ, возможность съ большимъ удобствомъ „умножать просвѣщеніе“, т. е. болѣе широко трудиться на благо другихъ, вотъ что привлекаетъ Платона въ безженномъ состояніи монашества, вотъ причина, ради которой онъ отказывается идти путемъ жизни семейной.

Но самый трудъ для другихъ по закону нравственнаго долга привлекаетъ Платона, какъ горнило созидающее и окружающее себя атмосферой дружескихъ отношеній, поскольку правда нравственнаго долга естественно созидаетъ вокругъ себя теплую атмосферу человѣческой дружеской любви. Преломляясь въ этой атмосферѣ, жизненный идеалъ Платона, идеалъ нравственнаго долга получаетъ гуманитарный наклонъ и гуманитарное содержаніе.

Платонъ и Филаретъ оба предстоитъ предъ Богомъ и людьми съ однимъ и тѣмъ же по существу жизненнымъ идеаломъ. Но взоръ Филарета обращенъ прямо къ Богу. Филаретъ предстоитъ предъ Богомъ съ своей совѣстью въ уединенной молитвѣ съ глазу на глазъ; онъ испытуетъ свою совѣсть только непосредственнымъ зрѣніемъ правды лица Господня. Взоръ Платона обращенъ къ человеку. Платонъ предстоитъ предъ Богомъ на молитвѣ съ сердцами и совѣстями своихъ собратій и отражаетъ въ себѣ не только правду лица Господня, но и сердца и совѣсти своихъ собратій, съ которыми и для которыхъ онъ трудится во имя Божіе. Отсюда идеалъ спокойной, выполнившей нравственный долгъ совѣсти различно сознается тѣмъ и другимъ. У суроваго, необщительнаго Филарета совѣсть покойна, когда онъ сдѣлалъ въ отношеніи другихъ то, что подсказывала ему совѣсть предъ лицомъ Божіимъ; у мягкаго, общительнаго Платона совѣсть спокойна лишь тогда, когда онъ сдѣлалъ все, что подсказывала ему совѣсть предъ лицомъ Божіимъ и предъ лицомъ совѣсти и сердца тѣхъ, съ кѣмъ и для кого онъ живетъ и трудится.

Платонъ и Филареть одинаково исповѣдаютъ принципъ: „добродѣтель должна быть любима сама по себѣ“. И Филареть и Платонъ любятъ добродѣтель саму по себѣ. Но самозамкнутый, необщительный Филареть любитъ добродѣтель, какъ творческое дѣло любви къ *всесвятѣйшему Богу*. Платонъ—какъ дѣло изліянія любви къ *немощному человеку*. Для Филарета каждый человѣкъ—это жертва, которую онъ приноситъ отъ себя и вмѣстѣ съ собою святыню Божіей. Филареть, это древній Іеффай, закалающій свою дочь, чтобы сдѣлать ее собственной жертвой отъ себя Богу. Для Платона каждый человѣкъ—это сама святыня, которой онъ себя самого приноситъ въ жертву, какъ святыню образа Божія во имя Божіе; потому что въ этой самой жертвѣ онъ чувствуетъ источникъ своего собственнаго личнаго счастья: это древній Моисей и новозавѣтный Павелъ, умоляющіе Бога быть отлученными отъ лица Божія за жизнь народа Божія.

Платонъ видитъ образъ добротворенія въ дѣяніи Высочайшаго Добра, Бога въ моментъ творенія міра. Твореніе міра—это движеніе полноты Божества къ обнаруженію во внѣ, находящее удовлетвореніе въ счастьѣ тварей, являющихся плодомъ этого движенія.

„Когда ...истинный Богъ всѣ возможныя совершенства въ себѣ заключаетъ, и ни въ чемъ недостатка ни нужды имѣть не можетъ: то какой же былъ бы резонъ, возбудившій Его къ созданію міра? Представьте себѣ безмѣрное море, которое, не удержавшись въ своихъ берегахъ, начало бы чрезъ оныя проливаться: подобно нѣкоторымъ образомъ безмѣрная бездна Божіихъ совершенствъ, какъ бы не удержавшись въ своихъ предѣлахъ, благоволила излиться внѣ самой себя. Сіе изліяніе есть ничто иное, какъ нѣкоторое совершенство существа Божія сообщеніе и другимъ существамъ. Оно излилось: изъ сего изліянія произошли небеса, свѣтила, земля, древа, животныя и другія твари неисчислимыя. Въ сихъ чрезъ изліяніе Божіе происшедшихъ тваряхъ открылся намъ Его совершенства, которыя прежде въ Немъ одномъ были сокровенны. Сіи твари стали зеркаломъ, въ коемъ мы начали усматривать благодать Его, правосудіе, премудрость, всемогущество и прочая; но сего не довольно. Мы еще тѣ же совершенства, хотя ограниченнымъ образомъ вдругъ, ощутили и въ самихъ себѣ и въ тваряхъ другихъ. Мы нашли и въ

себѣ и въ другихъ созданіяхъ и слѣды и дѣла, доказывающія благоразуміе, просвѣщеніе, стройность порядка, склонность къ сожалѣнію, къ любви, къ правосудію. Итакъ внезапнымъ образомъ и котораго мы и сами никакъ ни предвидѣть, ни узнать не могли, стали участны Его совершенствъ—вдругъ возсіялъ образъ Его. *Творецъ*, съ высоты святныя Своея воззрѣвъ, почувствовалъ, коли можно такъ сказать, *сладчайшее въ себѣ удовольствіе*, что отъ сіянія Его лучей нѣкоторое открылось того подобіе, и что увидѣлъ со славою исполнено свое великое намѣреніе, которое, какъ видите, не въ иномъ чемъ состояло, какъ *чтобы сообщить свои совершенства и другимъ, и тѣмъ учинить ихъ счастливыми*, сколько по своей ограниченности вмѣстятъ могутъ, такъ какъ Онъ есть блаженъ безконечнымъ образомъ ¹⁾.

Таково же, по Платону, движеніе всякаго добра и въ человѣческой личности.

„Добро само по себѣ есть общительно. Положимъ, что ты счастливъ, почтенъ и радостенъ. Тотчасъ желается тебѣ и счастье свое другимъ открыть, и честью своею другихъ очи удивить, и радость свою, не вѣщая въ себѣ, тотчасъ пересказать другому. Если бъ ты былъ одинъ, счастье твое не столь бы тебя услаждало; честь какова бы не принесла тебѣ удовольствія, радость, во внутренности стѣсненная, тѣмъ какъ бы погасла. Почему счастье, честь и радость не сами собою для насъ усладительны, но когда имѣемъ мы ихъ кому сообщить. Но для того ли ты другимъ ихъ оказываешь, чтобы предъ ними токмо повеличаться, и оказавъ свою пышность, въ другихъ прозвезсти только зависть, или негодованіе, или смущеніе. Когда несчастливые, увидѣвъ твое въ счастіи величіе больше узнаютъ твое несчастіе, и видѣвъ твое изобиліе, больше узнаютъ свои нужды и бѣдность, а чрезъ то возмуть случай больше оплакивать свой злополучный жребій, и можетъ быть будутъ роптать на промыслъ; а тебя отяготятъ поношеніями, что ты или того счастья не заслужилъ, или недостоинъ тѣмъ пользоваться... Еще счастье

¹⁾ Поучит. слова VI. 332—333. Ср. XI, 169: „свойственно человеку желать быть всегда радостнымъ. Ибо создавъ онъ не на смущеніе и печаль; но на удовольствіе и радость“; I, 229: врождено намъ есть искать себѣ удовольствія, и стремиться до такова состоянія, въ которомъ бы мы совершенно были успокоены“.

твое въ тебѣ одномъ заключено есть, когда ты онымъ по наружности только величаешься предъ другими, а самою вещь они въ томъ не участвуютъ. Слѣдовательно, и тебѣ самому, коли понстияѣ разсуждать, никакого оно не приносить удовольствія... Богъ украсилъ тебя дарами счастья, яко древо плодоносное: наполнилъ ты способностью и могуществомъ помогать другимъ, яко глубокой источникъ воды живыя. Будешь ли ты оныя скрывать въ самомъ себѣ? Но на что? Ты тѣмъ докажешь, что напрасно оныя тебѣ и даны; да и самого себя лишишь притекающаго изъ нихъ удовольствія. Ибо оно не можетъ быть, когда дары счастья въ тебѣ одномъ только закрыты и погребены... *Чѣмъ болѣе ты счастье свое сообщишь другимъ, тѣмъ болѣе умножится собственное твое удовольствіе.* На другихъ, счастьемъ твоимъ учинившихся счастливыми, когда возришь ты, что тебѣ представится: представится тебѣ, что сіи, о счастья своемъ радующіеся люди, суть какъ бы райскія древа, возросшія отъ сѣмянъ, тобою посѣянныхъ; или паче представляются какъ чада, рожденныя твоимъ человеколюбіемъ, въ коихъ начертанъ сіяетъ образъ твой отеческій и подобіе. Можетъ ли что сравняться съ симъ сладчайшимъ и небеснымъ удовольствіемъ? Сирота тобою воспитанный, бѣдный тобою снабженный, болѣзнующій тобою исцѣленный, немощный тобою защищенный, унывающій тобою возставленный, невѣжа тобою просвѣщенный, не суть ли духовное и святое твое порожденіе, коимъ безъ постыжденія можешь со апостоломъ сказать: *Благодѣтельствомъ азъ въ родихъ* (1 Кор. 4, 15)¹⁾.

Для Платона, такимъ образомъ, *творить добро значитъ радоваться счастьемъ добровоспринимающихъ*, быть соучастникомъ этого счастья, какъ мать и отецъ чувствуютъ счастье, являясь созерцателями счастья дѣтей, получившихъ отъ нихъ жизнь свою, т. е. возможность и способность чувствовать счастье.

Отсюда для Платона каждый человекъ мыслится не иначе, какъ „о счастья своемъ радующійся“ или печалующійся, не иначе, какъ цѣльная личность въ полнотѣ своихъ радостей и скорбей, которую нужно осчастливить. Для него нѣтъ просто подчиненнаго, просто сотрудника, обязанныхъ быть лишь

1) Поучит. слова XI, 91—95.

орудіемъ исполненія того долга, который они несутъ, до личной скорби и радости которыхъ нѣтъ никакого дѣла. Нѣтъ, для Платона каждый подчиненный и сослуживецъ, это свой для него человѣкъ, свой и дорогой не только со своими официальными обязанностями, но и со своей совѣстью и со всѣми своими радостями и скорбями, къ которымъ онъ не можетъ относиться иначе, какъ съ любовью отца и уваженіемъ друга. Равно и каждое учрежденіе, входившее въ сферу его творческаго воздѣйствія, становилось для него своимъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Но законъ плотскаго рожденія таковъ, что порождающій, радуясь счастью порождаемыхъ, естественно требуетъ въ отвѣтъ благодарной любви за дарованное благо жизни. Въ этой любви—самая высшая награда и вмѣстѣ непремѣнное условіе радости рождающихъ.—Безъ нея радость о счастья дѣтей перестаетъ быть радостью и превращается въ тѣмъ большую скорбь, чѣмъ велика эта самая радость. Таковъ и законъ духовнаго рожденія, духовнаго творчества. Само Высочайшее Добро—Богъ даровалъ человѣку благо жизни при непремѣнномъ условіи благодарной любви къ Нему со стороны человѣка. Точно тому же закону слѣдуетъ и добро въ человѣческомъ сердцѣ: и оно, давая счастье другому, требуетъ отъ другого въ отвѣтъ благодарной любви. И чѣмъ интенсивнѣе это добро въ человѣкѣ отдаетъ себя творчеству счастья другихъ, тѣмъ болѣе онъ чувствуетъ нравственную обязательность, тѣмъ интенсивнѣе *жаждетъ радости отвѣтной благодарной любви*. Въ энергично-дѣятельномъ Платонѣ эта жажда была тѣмъ интенсивнѣе, что она была и вмѣстѣ запросомъ его отъ природы дружелюбивой души.

Удовлетвореніе этой жажды Платонъ считаетъ самой высшей и единственной возможной на землѣ земной наградой добру.

„На земли... награда самая надежная и превосходная... состоитъ въ любви тѣхъ, коихъ ты по своему званію благодѣтельствуешь. О, калика лестна и благословенна сія награда, да и сколь же мало неблагоразумный честолюбецъ оную или уважаетъ, или понимаетъ! Почитаніе, состоящее въ однихъ наружныхъ и низкихъ поклонахъ, и въ видахъ уважительныхъ, есть единъ обманъ и лицемеріе ¹⁾. Изъявивъ.

1) Ср. XV, 808—812.

въ глазахъ всякаго рода униженія, не успѣеть онъ выйдти за порогъ, какъ тѣмъ болѣе восчувствуетъ къ нему презрѣнія, чѣмъ болѣе насилывалъ себя къ наружному униженію. Таково ли должно быть истинное почитаніе, и можетъ ли добродѣтельный человѣкъ за нимъ гоняться?!

Но не таково есть почитаніе, которое отъ сердца происходитъ, и которое въ любви состоитъ. О, представьте себѣ съ каковымъ пылающимъ любовью усердіемъ смотреть тотъ бѣдный на оного судью, который его отъ руки сильной защитилъ. Какъ любезно и священно лице начальника тому челоуѣку, которому онъ доставлялъ надежное пропитаніе. Съ какою благодарностію вспоминаетъ преступникъ объ ономъ властелинѣ, который всемирно тщался не столько его наказать, сколько исправить, да и имѣлъ счастье его развратнаго сдѣлать добрымъ челоуѣкомъ. Вамъ самимъ на судъ отдаю, ласкатели ли болѣе почитаютъ вызваннаго властелина, или сіи облагодѣтельствованные добродѣтельнаго начальника.

Такъ ежели сладчайшее удовольствіе есть, взирать намъ на начальника добродѣтельнаго, такъ какое же самъ онъ долженъ чувствовать услажденіе въ душѣ своей, когда видитъ столько возженныхъ передъ собою жертвенниковъ, сколько сердце имъ обязанныхъ?! Они его любятъ: а чрезъ сіе то наилучшимъ образомъ его почитаютъ; и не въ лице токмо, но и заочно, и вездѣ, и всегда. *Не довольна ли сія для проходящаго честно свою должность награда на земли? Чего болѣе искать и желать? Ты ищешь наружныхъ отличительныхъ знаковъ, но чѣмъ болѣе они отличительны, тѣмъ болѣе удаляютъ тебя отъ другихъ. Ибо меньше приступнымъ тебя дѣлаютъ. Отличай себя: кто воспрещаетъ. Но благодѣтельствомъ, правосудіемъ, снисхожденіемъ, примѣромъ честности и благоразумія. Таковыя отличенія привлекутъ къ тебѣ другихъ сердца. Ибо чрезъ сіе ты и ихъ самихъ дѣлаешь отличностей своихъ участниками ¹⁾.*

Такъ добро, давая счастье другому, получаетъ въ награду блаженство отвѣтной любви. И эта отвѣтная любовь состоитъ въ томъ же добротвореніи, въ томъ же радованіи счастьемъ другого и заботѣ о его горестяхъ и радостяхъ, какъ о своихъ.

1) Поучит. слова XVI, 50—54.

Получается союзъ „любовное братство“ ¹⁾—*дружеское общеніе любви людей нравственнаго долга*, въ которомъ они, въ общемъ служеніи нравственному долгу, открываютъ и усвояютъ себѣ взаимно *всѣ* горести и радости и заботы другъ друга. Характерный признакъ и необходимое свойство этого дружескаго союза въ служеніи добра—*искренность и откровенность*. Искренность и откровенность въ томъ, „когда у кого языкъ съ сердцемъ согласенъ и у коего душу можно видѣть на лицѣ его... Чувствованія Богъ положилъ въ сердца; а языкъ учредилъ, чтобы онъ былъ орудіемъ къ точному этихъ чувствованій изъясненію. Склонности скрытъ въ душѣ подъ покрываломъ тѣла: а лице уставилъ быть зеркаломъ, дабы въ немъ были открыты тѣ склонности. Почему Боголюбивый мужъ и разсуждаетъ, что иное чувствовать въ сердца, а иное изъяснять языкомъ; иное содержать въ душѣ; а другое на лицѣ представлять, есть не иное что, какъ насиловать природу; и превращать порядокъ Богомъ установленный ²⁾... Человѣкъ съ человѣкомъ и братствомъ и взаимною пользою и вѣрою соединенъ. Сей великій союзъ требуетъ искренности; ибо требуетъ доброжелательства. Скрыть отъ другого сердце свое и показать иной видъ, есть не иное что, какъ нарушить любовь братства, лишитъ другого да и самого себя должной пользы, и показать, что вѣра въ сердца ничего не дѣйствуетъ. Какое должно быть въ семъ превращеніе! Нѣтъ! Вѣдаетъ добродѣтельный человѣкъ, что обязанъ онъ всякому по возможности дѣлать добро, а никому не вредить; не только для того, чтобы чувствовать удовольствіе и радость, доставляя другому пользу и благодѣтельство; но и для того, что и онъ взаимно въ случаяхъ нужды можетъ ожидать себѣ отъ другихъ помощи“ ³⁾. Отсюда для Платона каждый добротворящій человѣкъ, усвояя себѣ всѣ горести и радости другихъ, имѣетъ право требовать, чтобы они не скрывали отъ него своей души, въ свою очередь имѣли желаніе усвоять себѣ и раздѣлять его скорби и радости, усвоять себѣ до вѣрчиво открываемую имъ душу друга.

Холодный Филаретъ, совершающій добро для человѣка,

¹⁾ Поучит. слова, I стр. 81.

²⁾ Ср. XII, 223.

³⁾ XII, 163—167. Ср. IV, 227—228.

какъ жертву небу, а не человѣку, не чувствуетъ потребности и не принимаетъ нравственной обязательности сердечной дружественной связи и общенія между добротворящимъ и добровоспринимающимъ. Возлюбленный особою отеческою любовью м. Платона, который „особливое прилагаль, въ разсужденіи его воспитанія, отеческое стараніе“, ¹⁾ Филаретъ считалъ Платона для себя „болѣе, чѣмъ наставникомъ“ ²⁾, но отцемъ. Въ Троицкой семинаріи онъ писалъ въ честь Платона стихи:

„Пой въ пѣсняхъ великихъ героев, Омиръ!
 „Дѣла же Платона ты пѣть не дерзай:
 „Поэты склонны и правду превысить—
 „А какъ превозвысить дѣянья *отца?*“ ³⁾.

Но вызванный въ Петербургъ, онъ не пожелалъ возвратиться снова въ Лавру, подь „кроткую тѣнь“ ⁴⁾ Платона, чтобы быть „утѣшеніемъ его старости“ ⁵⁾, какъ хотѣлъ и просилъ отъ Синода Платонъ. На вопросъ первенствующаго члена Синода митрополита Амвросія, желаетъ ли онъ исполнить желаніе м. Платона,—Филаретъ отвѣтилъ сурово-холодно, что, принявъ обѣтъ монашества, онъ отрекся отъ своей воли и предалъ себя волѣ Божіей и волѣ начальства ⁶⁾. Не такъ представлялъ себѣ свои отношенія къ людямъ, возвращеннымъ своею любовью, м. Платонъ. Его душа искала такихъ отношеній, въ какія сталъ къ нему и стоялъ до смерти другой его любимый ученикъ—Евгеній, послѣ архіепископъ

¹⁾ Доношеніе м. Платона въ Синодъ отъ 28 декабря 1809 г. См. Сушковъ, Записки, о жизни и времени святителя Филарета митрополита Московскаго, стр. 44. М. 1868 г.

²⁾ Слова м. Филарета. См. Сушковъ, Записки.

³⁾ Сушковъ. Записки, стр. 125. Въ письмѣ къ родителямъ, описывая свои посѣщенія м. Платона, Филаретъ свидѣтельствуетъ, что „при всѣхъ сихъ случаяхъ онъ рѣдко видитъ вачальника, чаще отца, ваставника“ Письма къ роднымъ, стр. 107. Письмо 101-е. М. 1882. О другомъ стихотвореніи въ честь Платона подь заглавіемъ „Старость“, а равно взаимоотношеніяхъ между Платономъ и Филаретомъ во дни пребыванія послѣдняго въ Троицкой семинаріи см. Корсунскаго „Лица Филарета, м. Московскаго“. Русскій Вѣстникъ, 1884 г. т. 174 стр. 272—291.

⁴⁾ Письма Филарета къ роднымъ. Письмо 95-е, стр. 160.

⁵⁾ Доношеніе въ Синодъ. См. примѣч. 1-е.

⁶⁾ Дневникъ архіепископа Ярославскаго Евгенія Казанцева. Душ. Чт. 1868, ч. III, стр. 62 примѣч.; Благовѣщенскій, Архіепископъ Евгеній Казанцевъ, стр. 29, М. 1875.

Ярославскій. Въѣстъ съ Филаретомъ неволею вызванный въ Петербургъ, онъ на вопросъ Амвросія не только отвѣтилъ полнымъ согласіемъ, но и усердно просилъ возвратить его къ своему духовному отцу. Когда Евгенийъ возвратился въ Лавру, то былъ „принятъ не иначе какъ сынъ“ и затѣмъ „постоянно каждую недѣлю бывалъ три раза“ въ Виѳаніи: „во вторникъ, въ четвергъ послѣ полудня и тамъ оставался до слѣдующаго утра; въ субботу же пріѣзжая послѣ полудня былъ тамъ и воскресенье до утра понедѣльника; сверхъ того на каждый праздничный день, когда не было ученья, пріѣзжалъ наканунѣ и уѣзжалъ на утро праздника, проводя тамъ обѣ ночи“. И этотъ образъ отношеній былъ настолько по душѣ Платону, что однажды „благословивъ пришедшаго Евгенія, крѣпко сжалъ его руку и неоднократно поцѣловалъ ее, такъ что Евгенийъ едва могъ вырвать свою руку“ 1). Изъ писемъ къ Евгению видно, что Платонъ былъ весьма огорченъ образомъ дѣйствія Филарета и только заступничество Евгенія успокоило духъ Платона. „Непріятно мнѣ,—пишетъ Платонъ Евгению въ Петербургъ,—что отнимаете у меня всякую надежду, чтобы Филаретъ возвратился. Но онъ еще ничего ко мнѣ не пишетъ. Видно... 2) „Вѣрно, многое, какъ думаю,—пишетъ Платонъ въ другомъ письмѣ,—могло тебѣ препятствовать, чтобы писать ко мнѣ: но ничто не могло преодолѣть твоего стремленія любви ко мнѣ. Тѣмъ болѣе быть тебѣ обязаннымъ я себя и чувствую и сознаю. То, чего казалось я долженъ бы ожидать отъ Ф.(иларета), то получилъ отъ тебя одного и потому въ тебѣ одномъ обоихъ почитаю“. 3) „Не перо и чернила,—пишетъ Платонъ отъ 2 мая 1809 года,—а кажется чистый духъ твой писалъ письмо, тобою мнѣ присланное... Твое посредничество за Ф.(иларета) много имѣеть предо мною силы. Посему какъ его, такъ твоя любовь никогда не выйдетъ изъ моей памяти. Прощай, мой другъ“. 4) И дѣйствительно, память о Филаретѣ никогда не изглаживалась въ сердцѣ Платона. Въ письмахъ къ Евгению, пора-

1) Дневникъ Евгенія Казаицева, стр. 52, 53.

2) Шесть писемъ къ Евгению за 1809 годъ помѣщены въ изданіи: „Матеріалы для исторіи русской Церкви. Къ біографіи архіепископа Евгенія Казаицева. Письмо 1-е отъ 15 марта 1809 г. Стр. 4.

3) Тамъ же, письмо 2-е отъ 6 апрѣля 1809 г., стр. 5.

4) Тамъ же, письмо 3-е, стр. 6.

якоющихъ словами чисто отеческой любви...—„Я увѣренъ, что гдѣ ты ни будешь, никогда и изъ моей и изъ твоей памяти я не изглажусь. Молюсь душевно, да совершить счастливо путь твоей жизни и твоихъ занятій. Далекъ ты отъ насъ разстояніемъ мѣста, но весьма близокъ ко мнѣ твоею любовію“...—Платонъ непремѣнно приписываетъ Филарету пожеланіе здоровья или „душевную благодарность“ за письма послѣдняго ¹⁾. Умирая, Платонъ высказалъ Евгенію желаніе, чтобы Филаретъ, проповѣдническій талантъ котораго онъ съ любовію привѣтствовалъ и воспиталъ какъ „отличнѣйшій“ ²⁾, сказалъ надъ его останками надгробное слово дружеской любви, подобно Григорію Богослову надъ гробомъ своего друга—Василія Великаго. Филаретъ въ отвѣтъ на письмо Евгенія, написавъ ему нѣсколько словъ въ похвалу Платона, отклонилъ отъ себя этотъ завѣтъ публичнаго выраженія своей несомнѣнно глубокой цѣложизненной любви и благодарности къ своему великому учителю: „подлинно онъ былъ Василій великій, но я не Григорій“—отвѣтилъ Филаретъ ³⁾. Говоря такъ, Филаретъ намекалъ не на свойства лишь своего проповѣдническаго таланта. Дѣйствительно, вообще суровая душа Филарета не была нѣжною, всегда готовою излиться предъ другими душой Григорія, это—скорѣе душа Василія, но сердце самаго Платона, съ его идеаломъ *нравственной правды, творимой въ дружбѣ, и дружбы, творимой въ правдѣ и правдой* было поистиннѣ сердцемъ Григорія. Съ этимъ то сердцемъ онъ выступаетъ на жизненномъ поприщѣ и всюду и вездѣ вноситъ чарующую атмосферу дружественной искренности, общительности, гуманности.

В. Виноградовъ.
(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Тамъ же, письмо 5 и 6 отъ 23 ноября и 28 декабря.

²⁾ Объ отношеніи м. Платона къ проповѣдническому таланту Филарета см. Корсуевского „Проповѣдническая дѣятельность В. М. Дроздова (впослѣдствіи—Филарета, митр. Московскаго) 1803—1808 гг. Вѣра и Разумъ 1884 г. т. I ч. I (отдѣлъ церковный) стр. 286—305; 362—401. Подробности объ отношеніяхъ Платона къ Филарету во время пребыванія послѣдняго въ Троицкой Лаврской семинаріи см. въ книгѣ прот. А. Смирнова „Дѣтство, Отрочество и Юность, годы ученія и учительства въ Троицкой Лаврской семинаріи митрополита Филарета“ стр. 50—71.

³⁾ Дневникъ Евгенія Казанцева, стр. 56.

ПЛАТОНЪ и ФИЛАРЕТЪ, митрополиты Московскіе.

(Продолженіе).

II.

Выдающійся ученый труженикъ, митрополитъ Платонъ въ области богословско-церковной мысли первый рѣшительно отказывается „прятаться за словами“, —пріема схоластики, властно царившей доселѣ въ русской богословской наукѣ¹⁾. Откровенно и рѣшительно онъ ставитъ предъ собою и другими научно-богословскія проблемы и столь же откровенно и прямо на нихъ отвѣчаетъ, какъ думаетъ и чувствуетъ. Его ученикъ Филаретъ вырѣзаетъ изъ бумагъ своего великаго учителя слишкомъ откровенныя мысли²⁾, цензорскимъ перомъ вы-

¹⁾ См. С. К. Смирновъ. Исторія Троицкой семинаріи, стр. 89—90. М. 1867 г. Ср. Орфанитскій, Историческое изложеніе догмата объ искушительной жертвѣ Господа нашего Іисуса Христа, стр. 201—202. М. 1904.

²⁾ Въ библіотекѣ Византской дух. семинаріи есть рукопись обычно извѣстная подъ именемъ „Вопросовъ Никодима“ (№ 1441, Муретовъ „Описание рукописей библіотеки Виз. семинаріи, стр. 8—9 м. 1897). Нижняя половина переплетнаго листа этой рукописи вырѣзана, по сообщенію Ф. П. Гилярова-Платонова, рукою м. Филарета, такъ какъ здѣсь рукою м. Платона было написано: Церкви Христовой пастырю и самому просвѣщенію, невозможно имѣть съ раскольниками преніе и ихъ въ заблужденіи убѣдить. Ибо въ преніяхъ съ обихъ сторонъ должно быть единое начало или основаніе, на которомъ бы утверждались бы доказательства. Но ежели у одной стороны начало будетъ иное, а у другой другое, то согласиться будетъ невозможно. Богопросвѣщенный христіанскій богословъ для утвержденія всѣхъ истинъ вѣры Христовой не иное признаетъ начало, какъ *едино слово Божіе* или писанія Ветхаго и Новаго Завета; а раскольникъ, кромѣ сего начала, которое и мало уважаетъ ибо мало понимаетъ, признаетъ еще за равносильныя слову Божію начала и всякія правила соборовъ и всякія писанія церковныхъ учителей, и всякія повѣсти въ книгахъ церковныхъ обрѣтаемая; да еще ихъ и болѣе уважаетъ, нежели слово Божіе, ибо они для него понятнѣе. Но какъ и *правила соборовъ* или относились къ тѣмъ временамъ, или писаны по пристрастію и непросвѣщенному невѣжеству, и въ писаніяхъ церковныхъ учителей много погрѣшительнаго, и съ самими собой и съ словомъ

черкиваетъ изъ его краткой, русской, церковной исторіи слишкомъ откровенныя сужденія: для Филарета, признающаго полную искренность лишь въ отношеніи къ Богу, непонятна и совершенно неприемлема, недопустима Платоновская откровенность въ отношеніи къ человѣку ¹⁾. Самъ онъ осторожно и бережно закутываетъ свою не менѣ чѣмъ у Платона самостоятельную и смѣлую мысль въ броню строго и тщательно выточенныхъ словесныхъ формулъ, запечатлѣнныхъ авторитетомъ древности ²⁾; того же требуетъ онъ и отъ всѣхъ своихъ сотрудниковъ въ области богословской мысли и науки. О Филаретѣ иногда говорятъ, что онъ давилъ свободную мысль, давилъ таланты; да, если хотите,—давилъ, но давилъ ихъ столько же, сколько и свои собственные: онъ не допускалъ и въ другихъ, какъ и въ себѣ са-

Божіимъ несогласного, а въ повѣстяхъ и зѣло много басней вебылицъ и безвѣстностей,—то и *слѣдовало бы правила и отцевъ и повѣсти не иначе принимать, какъ когда они согласны съ словомъ Божіимъ и служатъ тому объясненіямъ.* Но раскольникъ сего не приемлетъ и почитаетъ хулою, когда бы ему открытъ, что соборы и отцы въ иныхъ мнѣніяхъ погрѣшили, а повѣсти многія невѣроятны. „Какъ,—воскликаетъ онъ,—отцы святые погрѣшили? Да мы ихъ святыми почитаемъ, они чудеса творили, ихъ писанія суть богодухновенны.“ Что на сіе богословъ? Легко можетъ возражать, но не посмѣетъ, дабы не только раскольниковъ, но и своихъ малосмысленныхъ не соблазнить и не сдѣлать зла горшаго. „Вотъ, провозгласить, отцевъ святыхъ не почитаетъ, соборы отвергаетъ, повѣстямъ церковнымъ смѣется.“ Итакъ, богословъ богопросвѣщенный молчи, а раскольникъ ври—и другихъ глухыхъ удобно къ себѣ склоняя“. (Ср. Вѣст. Европы, 1892, декабрь, стр. 866—867). Характерно, что защита преимущественнаго авторитета священнаго писанія сравнительно съ церковнымъ преданіемъ была подвигомъ жизни м. Филарета. См. Корсуискаго „Святитель Филаретъ, стр. 182—183; 187; его же, О подвигахъ Филарета митрополита Московскаго, въ дѣлѣ перевода библии на русскій языкъ М. 1883 г.; проф. Н. А. Заозерскаго „Филаретъ м. Московскій, какъ служитель слова (рѣчь, произнесенная на юбилейномъ собраніи Московской Духовной Академіи 19 ноября 1907 г., въ память 40-лѣтія со дня кончины м. Филарета). Богосл. Вѣстн 1907 г. Ноябрь.

¹⁾ „Устраниться отъ того, что смущаетъ, хорошо, пишетъ Филаретъ Антонію. Но слова,—чувствую, вредно мнѣ должны быть сказаны только тому, кому должно открывать помыслы и кому можно понести. Изъ откровенности ненужной врагъ можетъ извлечь вредъ (I, 95—96).

²⁾ Характерный примѣръ самостоятельности мысли м. Филарета затерялся въ „Запискахъ“ Сушкова. „Однихъ изъ отличаемыхъ имъ священниковъ какъ-то назвалъ при немъ протестанство ересью. „Кто сказалъ тебѣ, что протестанство ересь? спросилъ онъ.—Такъ, стало быть—проговорилъ іерей—протестанство—не ересь... „Кто сказалъ тебѣ что-

момъ исполнѣнъ откровеннаго проявленія предъ людьми полноты своей внутренней жизни ¹⁾.

То же самое свойство отличаетъ и проповѣди Платона и Филарета. Платонъ и Филаретъ—два знаменитыхъ проповѣдника-классика, но сравните проповѣди того и другого. Проповѣдь Филарета, это—душа, бесѣдующая съ Богомъ, но боязливо-стыдливо закрывающая себя отъ взоровъ соприствующихъ и въ свою очередь избѣгающая слишкомъ настойчиво заглянуть въ чужія души ²⁾. Проповѣдь Платона, это—откровенная исповѣдь сокровенныхъ движеній его души и столь же откровенное смѣлое созерцаніе и изобличеніе чужой, какъ своей ³⁾.

Таковъ же Платонъ и во всей своей чисто пастырской дѣятельности. Для Платона здѣсь чрезвычайно характерно сознаніе, что „не всякая ревность по Бозѣ есть пріятна Богу“, что „къ дѣйствію самому чрезъ себя похвальному, есть-ли примѣтается страсть: тогда она все портитъ и своею строптивостью развращаетъ путь Божественный“, становясь ревностью злой, безразсудной, нечеловѣколюбивой.

протеставство не—ересь?...—Такъ... какъ-же Высокопресвященнѣйшій... Я не сказалъ тебѣ ни того, ни другого. *Чтобы рѣшить вопросъ: протеставство—ересь, или не ересь? нуженъ Вселенскій соборъ* (стр. 281—282).

¹⁾ Для характеристики отношенія м. Филарета къ зарождающимся талитамъ и въ частности къ подчиненному духовенству весьма важны „воспоминанія о приснопамятномъ святителѣ Филаретѣ митрополитѣ Московскомъ“—Амвросія архіеп. Харьковскаго, помѣщенные въ IV т. полнаго собранія проповѣдей послѣдняго. Харьковъ, 1902 г. стр. 337—352. См. также М. Звѣздинскій, Святительская дѣятельность Филарета м. Московскаго въ области печатнаго слова (Вѣра и Церковь за 1907 г.).

²⁾ О проповѣдническомъ творчествѣ м. Филарета см. рядъ статей проф. Корсунскаго въ ж. Вѣра и Разумъ за 1884—1893 г. изъ которыхъ помѣщенные въ 1887—1893 г.г. собраны въ одну книгу подъ заглавіемъ „Святитель Филаретъ, митрополитъ Московскій. Его жизнь и дѣятельность на московской кафедрѣ по его проповѣдямъ, въ связи съ событіями и обстоятельствами того времени (1821—1867 г.г.) Харьковъ 1894. См. также: статью Левашева „Направленіе и характеръ проповѣди Филарета, митрополита Московскаго (Странникъ за 1875 г.); брошюру Чепика „Митрополитъ Филаретъ, какъ гомилетъ“ (Тверь 1872), брошюру Зарницкаго „Филаретъ, митрополитъ Московскій, какъ проповѣдникъ“ (СПб. 1898), Заведеева „Исторія русскаго проповѣдничества отъ XVII вѣка до настоящаго времени (Тула 1879), проф. Кипарисова „Митрополитъ Московскій Макарій, какъ проповѣдникъ, стр. 45—53. Сергіевъ Посадъ 1893.

³⁾ О проповѣдническомъ творчествѣ м. Платона см. книгу Надеждина „Митрополитъ Московскій Платонъ какъ проповѣдникъ“. Казань 1883 г.

Ревность,—говорить Платенъ въ одной изъ проповѣдей,— есть горячее духа нашего стремленіе къ защищенію Славы Божіей, относительно до закона...

„Взявъ ревность въ такомъ разумѣ, не видно, чтобы въ ней что-нибудь было не похвальное. Ибо горѣть духомъ, чтобы слава Божія во всѣхъ концахъ вселенныя была проповѣдуема; чтобы всѣ люди святымъ къ Богу и почтенію его руководствомъ были просвѣщены: въ разсужденіи сего горѣть духомъ, то есть изыскивать къ тому *справедливыя и человѣколюбивыя способы*, есть дѣло всякой похвалы достойное. Ибо симъ доказывается любовь къ Богу, къ ближнему, любовь къ истинѣ, которую мы не скрываемъ подъ спудомъ, но поставляемъ на свѣщникѣ, да свѣтитъ всѣмъ, и да руководствуетъ всѣмъ. И для того святой Павелъ учитъ: добро, еже ревновати всегда; однако при томъ, добавляетъ, въ добромъ (Гал.; гл. 14, ст. 18).

Но сіе есть несчастіе человѣческаго рода, что часто и въ самыя святныя дѣйствія вкрадывается злоупотребленіе и добродѣтель въ порокъ обращаетъ. Сіе бываетъ, когда чловѣкъ выходитъ изъ своихъ предѣловъ, и не управляя себя разумомъ, страсти слѣдуетъ. Ревность по Бозѣ чѣмъ больше въ себѣ имѣетъ жару и горячаго стремленія, тѣмъ больше требуетъ *осторожности и умѣренности*, чтобы сей священный огонь не обратился въ пожаръ, все истребляющій безъ разбору. А сіе необходимо выйдетъ, если вмѣсто защищенія славы Божіей будетъ дѣйствовать *страсть мщенія*; вмѣсто усердія къ пользѣ истинны вмѣшается корысть собственная если вмѣсто любви къ ближнему будетъ всѣмъ располагать *страсть самодлюбія*.

Какія же изъ таковой *ложной ревности* могутъ произойти слѣдствія, ежели не худыя и вредныя? Отсюда во-первыхъ послѣдуетъ *гоненіе, чтобы заблуждающаго, вмѣсто того чтобы исправить и привести на путь истинны, истребить отъ земли живыхъ*. Вмѣсто ученія, увѣщанія, доказательствъ, вмѣсто всѣхъ нравоучительныхъ и благоразумныхъ способовъ, будетъ свирѣпствовать одинъ *духъ нетерпимости*, какъ-то многія вѣка печальными примѣрами то намъ больше, нежели надобно, доказали. Въ подробность таковыя свирѣпности описывать оставляю, чтобы тѣмъ скрыть стыдъ человѣческаго поплзновенія; а только при семъ примѣтить должны, что чловѣкъ,

такимъ образомъ гонимый, не только о истинѣ не увѣряется ни мало, но еще въ мнѣніи своемъ ожесточается болѣе. Ибо онъ, не видя иныхъ доказательствъ, кромѣ насильственныхъ, по справедливости заключить можетъ, что у гонящей стороны нѣтъ сильнѣйшихъ доказательствъ. А изъ того и самая истина немалый претерпѣваетъ ущербъ величества своего. Ибо она представится, какъ будто не имѣла никакой собственной своей ко увѣренію силы; и будто, какъ ложь, требуетъ она въ своей слабости *сторонняго насильственнаго подкрѣпленія*. Такъ можно ли утвердить, чтобъ таковая ревность была угодна Богу, Богу всѣхъ вещей, порядку Хранителю, и истинныи Защитнику Всемогущему? и таковой родъ людей не тщетно ли себя увѣряетъ, какъ бы ихъ ревности огонь достоинъ былъ алтаря божественнаго? какъ то объ нихъ Спаситель нашъ, Апостоламъ своимъ сказалъ: всякъ, иже убіетъ вы, вздѣмнется службу приносить Богу (Іоан., гл. 16, ст. 2).

Никто столько тяжести *ревности гонительной* не почувствовалъ на себѣ, сколько благословенное христіанство. Основатель вѣры нашей, по слѣпому стремленію народа и по корыстолюбивой ревности фарисеевъ первый имѣлъ нужду испить чашу смертную. Тоже предрекъ Онъ и проповѣдникамъ истины Своея, которые и понесли самымъ дѣломъ тяжкій крестъ сей: и кровь христіанская пролилась источниками. Въ первенствующія христіанства времена всѣ почти храмы основаны были на гробахъ мученическихъ, да и нынѣ церковь Христова большую часть святыхъ празднуетъ тѣхъ, кои мучительнымъ лишеніемъ жизни доказали, что истина въ ихъ сердцѣ напечатана была неистребимо и непобѣдимо. Но что же гонители чрезъ все то получали? Славу христіанскую больше умвожили, и напоследокъ сами принуждены были уступить побѣду и торжество истиннѣ.

Но ахъ! пусть бы такъ было, что язычество, поклоняющееся воинскимъ Марсамъ и громопоражающимъ Юпитерамъ, таковою ревностью себя опорочило. Но и между исповѣдующими имя кротчайшаго Учителя, во смиреніи котораго судъ его взятъ, были подобныя замахы. Оный жаръ ревности, который долженъ воспалить сердце христіанина, и у христіанъ часто былъ жаръ несчастельный. *Слѣпота*, не знающая положить предѣловъ истинной ревности, *страсть мщенія*,

и корысти, часто производили слѣдствія погибельныя, не христіанства, но язычества достойныя. Темный западъ много намъ такихъ примѣровъ показалъ.

Признаться надобно, что *таковыя ревнители великій дѣлаютъ стыдъ Евангелію ученію, кротости и челоувколюбія наполненному*, Евангелію, учащему любить враговъ своихъ, и, огонь съ небеси свести хотѣвшихъ, удерживающему; Евангелію, ублажающему кроткихъ, и похваляющему ревность, но по разуму. Когдабъ все сіе вообразили, устыдились бы и ужаснулись, сколь далеко отстоять отъ слѣдовъ Того Учителя, Котораго славу защищать себѣ кажутся.

Да не подумаетъ кто изъ сего, акибъ мы ревность по Бозѣ совсѣмъ уничтожали, или какимъ-нибудь образомъ ослабить ее старались. Никакъ. Сіебъ было истребить благороднѣйшее духа Божія дѣйствіе. Но напротивъ гласомъ самой истинны утвердить можно, что великаго развращенія знакъ былъ еслабъ кто совсѣмъ погасилъ въ себѣ духъ ревности справедливны, что можно назвать недугомъ несоболѣзнованія, или нечувствительности. Сіе происходитъ можетъ отъ незнанія вѣры своея, или отъ нетвердаго о истиннѣ ея увѣренія: какъ то обыкновенно бываетъ въ тѣхъ, которые иное исповѣдуютъ, а другое въ сердцѣ признаютъ. Такъ какъ же бы въ такомъ могъ возгорѣть какой-либо жаръ Божественный?

Слѣдствія таковой холодности не меньше вредны, какъ и ревности безразсудныя: понеже изъ того можетъ родится безобразная смѣсь различныхъ мнѣній, и превращеніе правилъ правоученія. Ибо есть ли всѣхъ до нравовъ надлежащихъ дѣйствій оствованіе есть справедливое мыслей расположеніе; слѣдовательно нельзя худо думать, а дѣлать хорошо, то различныя и между собою несогласныя мнѣвія не будутъ ли слабымъ и опаснымъ правиломъ челоувческихъ поступковъ; особливо въ обществѣ: въ обществѣ, говорю, которое наипаче согласіемъ спасительныя и отъ людей больше всего почитаемыя истинны закона связуется. И потому нельзя не видѣть съ горестью и не слышать съ печалію о таковыхъ случаяхъ, въ коихъ трогаются необязненно самыя святыя вещи, и тотъ почитается разумнѣйшимъ, кто дерзновеннѣе терзаетъ залогъ освященный обществомъ. Добродѣтельныя души симъ пронзаются до внутренности, и воспаляемы рев-

ностью Господа Саваоа, сердечно сожальютъ, что здоровое тѣло терпитъ столь болѣзненные удары и терзается утроба матерня.

О блаженъ тотъ, кто обѣихъ сихъ крайностей убѣгаетъ! Кто среднюю и Царскою вдеетъ дорогою, отвращенъ отъ злой и безразсудной ревности; но управляемъ священнымъ огнемъ ревности мудрѣя и человеколюбивѣя!

Въ таковой ревности должна быть преданность къ вѣрѣ вѣжная, но безъ суевѣрія; усердіе къ истинѣ безкорыстное; любовь къ ближнему чистая и величественная; чтобъ не подать другимъ немощнымъ соблазна, осторожность благоразумная, таковой ревнитель есть вѣрный церкви сынъ, общества членъ мудрый и благородѣйшій, *всѣхъ любящій и отъ всѣхъ любимый.*

Таковою ревностью всякій христіанинъ украшать себя долженъ а особливо, служители церкви симъ огнемъ отъ жертвенника Господня возженнымъ устнѣ свои и сердце воспалить обязуются, убѣгая безразсуднаго стремленія, противнаго человеколюбію и кротости христіанской: да помышляютъ день и ночь о справедливыхъ средствахъ ко утвержденію добродѣтели и къ расширенію царства Иисуса Христа: да бдѣть о стадѣ своемъ, да нѣкій волкъ восхитить и разгонитъ овцы; чтобъ могли изъ глубины чистаго совѣсти сказать: ревную по васъ ревностію; да ревностію не человѣческою, но ревностію Божіею". ¹⁾

Нося въ себѣ именно такой духъ „челоѣколюбивой“ ревности по Бозѣ, Платонъ подходитъ къ каждой душѣ, принадлежащей ли къ церкви, отпавшей ли отъ нея, съ открытымъ забраломъ, съ открытой душой и дружелюбивымъ сердцемъ проникаетъ въ сокровенныя для другихъ духовныя болѣзни, муки и исканія чужой души, и понимаетъ ихъ. Онъ строго отличаетъ заблужденіе отъ личности заблуждающагося и, нападая на первое, ялѣется и страдаетъ за вторую: „нужно,—говоритъ онъ въ одной изъ проповѣдей,—гнать порокъ, а не челоѣка порочнаго“. Одинъ изъ крайнихъ представителей масонства, Лопухинъ рассказываетъ про свои отношенія къ Платону: „часто бываю у преосвященнаго Платона, котораго отличнымъ благорасположеніемъ я всегда пользовался. Онъ очень въ разговорахъ возставаоъ противъ нашего общества, однакожъ разставились мы всегда пріятелями“

¹⁾ Поучит. слова. II, 193—199.

Благодаря этому именно свойству, Платонъ, несмотря на свое *настойчивое обличеніе въ проповѣдяхъ модныхъ направленій* времени—денстического, атеистического и масонства ¹⁾, пользовался общимъ уваженіемъ противниковъ. Благодаря этому же своему свойству, Платонъ первый, можно сказать, вполне понялъ душу старообрядца раскольника, истинный смыслъ ея исканій и терзаній и столь же вполне откровенно высказалъ предъ всѣмъ русскимъ обществомъ въ своемъ знаменитомъ, безпримѣрномъ по духу любви „Увѣщаніи“ и воплотилъ въ доселѣ здравствующемъ „единовѣрціи“ ²⁾.

Необычайно энергичный администраторъ, Платонъ вносилъ съ собою и въ область епархіальнаго управленія оригинальную атмосферу родственныхъ отношеній, отечески-дружескихъ чувствъ, отечески-дружественныхъ привязанностей. Почитайте письма Платона къ своимъ викаріямъ Амвросію и Августину и сравните ихъ съ письмами Филарета къ лицу, котораго онъ нарекъ „другомъ“ своимъ,—намѣстнику Лавры Антонію ³⁾. Отличенный этими письмами дружбы, Антоній говорилъ однажды: „*всю жизнь около него и всегда за каждый шагъ опасаясь*“. Такъ мало вѣдомой оставалась для Антонія душа его друга, несмотря на чрезвычайную близость личнаго и письменнаго общенія.—Совершенно иное дѣло, письма Платона.—Въ нихъ Платонъ не только входитъ во всѣ нужды и горести своихъ сотрудниковъ, но и свои собственныя нужды и горести поручаетъ ихъ сердцу и заботѣ.—Это письма не къ подчиненнымъ, а къ роднымъ.

По словамъ современниковъ, Платонъ „былъ всегда всѣмъ доступенъ, охотно бесѣдовалъ съ убогимъ поселяниномъ, простымъ причетникомъ и богадѣльникомъ, подробно входилъ въ ихъ нужды и скорби, съ участіемъ сердобольнаго отца помогалъ имъ то совѣтомъ, то дѣломъ, подавалъ имъ слово утѣшенія въ несчастіяхъ, съ терпѣніемъ умѣлъ уговорить въ случаяхъ упорства. Толпы простого народа слѣдовали за

¹⁾ См. у Надеждина „М. Платонъ, какъ проповѣдникъ“, стр. 55—61; 71—110.

²⁾ „Тя рекохъ друга давно въ расположеніи сердца моего“, пишетъ Филаретъ Антонію въ одномъ изъ писемъ (I, 116).

³⁾ Объ отношеніи м. Платона къ расколу см. Н. В. Лысогорскаго „Московскій митрополитъ Платонъ Левшинъ, какъ противораскольниковскій дѣятель (Росговъ на Дону 1906 г.)“.

іерархомъ, ѣхавшимъ на служеніе, желая его видѣть, слышать и принять отъ него благословеніе ¹⁾.

Здѣсь характерно то, что такія отношенія были у митрополита Платона не къ паствѣ лишь, но и къ сопастырямъ—духовенству.

Московское духовенство ко времени вступленія на кафедру Платона находилось на крайней степени моральнаго упадка. Его предшественникъ Амвросій не зналъ болѣе дѣйственныхъ мѣръ къ исправленію духовенства кромѣ плетей, кнута и отдачи въ солдаты ²⁾. Платонъ нашелъ, что главная причина моральнаго упадка духовенства, это—условія его интеллектуальнаго и вообще духовнаго развитія, матеріальнаго и общественнаго положенія, подавляющія въ немъ „благородство духа“, нравственную личность, Вся 37-лѣтняя дѣятельность Платона на Московской кафедрѣ прошла въ энергичныхъ трудахъ и заботахъ по устраненію этихъ условій... Объ своихъ трудахъ въ отношеніи московскаго духовенства Платонъ говаривалъ: „я его засталъ въ лаптяхъ и обулъ въ сапоги и ввелъ въ залы къ господамъ“. Слова Платона правдивы не только въ буквальномъ смыслѣ, но еще болѣе въ метафорическомъ. Платонъ задался цѣлью дать духовенству такое не только матеріальное положеніе, но и духовное развитіе, чтобы представители духовнаго званія могли стать наравнѣ съ благородными слоями общества. Самое яркое выраженіе поставленной Платономъ въ отношеніи духовенства задачи, это тотъ строй, который онъ далъ питомнику духовенства—духовной школѣ. Духовная школа Платона даетъ питомцу *полное гуманитарное* образованіе не только не уступающее по широтѣ своей программы современной ему школѣ свѣтской, но и ее превосходящее. Но самое характерное для строя Платоновской школы это то, что она вся пропитывается атмосферой отечески-дружескихъ чувствъ и отношеній, воспитывающихъ въ питомцахъ „благородство духа“, уваженіе какъ къ чужой, такъ и своей нравственной личности ³⁾. Такимъ именно хотѣлъ Платонъ видѣть свое духовенство. Москва отмѣтила чрезвычайно

¹⁾ Снегиревъ. Жизнь, ч. I, стр. 80.

²⁾ Знаменскій, Читенія изъ исторіи русской церкви за время царствованія Екатерины II. Прав. Соб. 1875 г. ч. II, стр. 9—10.

³⁾ Одна изъ инструкцій м. Платона требовала чтобы „господа учителя разговоры между собою серьезные и забавные имѣли почасту при уче-

точно самое характерное свойство въ трудахъ и заботахъ м. Платона о духовенствѣ: она нарекла его *отцемъ духовенства*.

Отецъ...—Это названіе послѣ соединялось и съ именемъ Филарета, и вполнѣ справедливо, ибо и онъ заботился о благѣ духовенства и оказалъ ему проявленій любви не меньше Платона ¹⁾. Но и отцы, и любовь отеческая бываютъ разные. Есть любовь по долгу, и есть любовь какъ движеніе сердца. Первая имѣетъ всѣ внѣшнія проявленія и плоды любви; подъ ея цокровомъ живетъ благополучно, но вѣтъ холодомъ, ибо нѣтъ въ ней того, что согрѣваетъ и тепломъ одухотворяетъ всѣ дѣла любви. Отецъ по долгу, мужъ по долгу... кто промѣняетъ ихъ на отца и мужа по сердцу?! Они могутъ исполнять самымъ точнымъ образомъ свои обязанности въ отношеніи къ семьѣ, семья будетъ по возможности обезпечена во всемъ необходимомъ, и все же сиротливо будетъ чувствовать себя такая семья, ибо холодомъ вѣтъ на нее отъ всѣхъ заботъ ея отца. Таковъ Филаретъ въ своихъ заботахъ о духовенствѣ. Это отецъ—только по долгу предъ Богомъ. Совсѣмъ иную черту отмѣтила Москва, называя отцомъ Платона. Она подмѣтила, что у него любовь—это движеніе его сердца, которое не только созидаетъ и благотворитъ, но и во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, проникая до самыхъ дорогихъ святынь человѣческой личности, грѣтъ, какъ желанное теплое лѣтнее солнце. Она подмѣтила, что онъ отецъ по сердцу, и въ свою очередь полюбила его отъ сердца.

III.

Въ старой Москвѣ съ ея исконно-славянскою дружелюбною душою среди подчиненнаго себѣ міра м. Платонъ имѣлъ викахъ, а особливо въ часы общахъ гулявій отчего могутъ сіи послѣднія научиться лучшему между людьми обхожденію и *пристойной смѣлости*. Другая гласила: наблюдайте, чтобы *болѣе моральными, нежели физическими* наказаніями ученики въ своей должности были приводимы. Литература о духовно-педагогической дѣятельности м. Платона (см. особенно статьи прот. А. А. Бѣляева) въ нашей статьѣ объ изученіи жизни и трудовъ м. Платона, въ отдѣльномъ оттискѣ на стр. 10, 20—23. Характеръ отношеній къ духовной школѣ м. Филарета чрезвычайно рельефно обрисовываетъ статья того же достопочтеннаго наслѣдователя исторіи русской духовной школы прот. Бѣляева „изъ исторіи старой духовной школы“ Душ. Чт. 1889 г.

¹⁾ Объ архипастырской дѣятельности м. Филарета вообще см. проф. Заозерскаго „Митрополитъ Филаретъ, какъ администраторъ и судія въ Московской епархіи“. Юбилейный сборникъ, стр. 18—88.

полный успѣхъ и полное удовлетвореніе по осуществленію своего жизненнаго идеала. Но Платонъ считалъ свой жизненный идеалъ *нравственно-обязательнымъ для всехъ* на какихъ бы ступеняхъ общественнаго служенія они не стояли, во всѣхъ сферахъ общественной жизни и общественныхъ отношеній.

Здѣсь былъ источникъ глубочайшаго трагизма души великаго іерарха во всю его жизнь.

Съ своимъ идеаломъ онъ явился въ Петербургъ при Дворѣ, въ качествѣ законоучителя сначала наследника престола, а затѣмъ августѣйшихъ невѣсть послѣдняго. Удостоенный милостей царской фамиліи, Платонъ привязывается къ ней любовью дружбы и искреннихъ отношеній. И въ свою очередь встрѣчаетъ въ отвѣтъ самыя благоволительныя отношенія, въ общемъ сохраняющіяся до конца его жизни ¹⁾. Но Платону мало благоволенія, онъ ищетъ атмосферы дружбы и принимаетъ благоволеніе за дружбу, дающую право на полную взаимную искренность и взаимную заботу о счастьи друга. Платонъ осмѣливается высказывать откровенно свои убѣжденія и симпатіи, не согласныя съ мнѣніемъ царственныхъ покровителей, и не можетъ понять, почему его доброжелательная искренность можетъ быть непріятна послѣднимъ. Платонъ обижается и скорбитъ, если они не высказываютъ ему вниманія въ той мѣрѣ, каковаго требуетъ не благоволеніе лишь, а дружба. Но для царственныхъ особъ благоволившихъ къ Платону были совершенно непонятны и странны эти претензіи и они, чтобы уклониться отъ послѣднихъ, сохраняя благоволеніе къ Платону, отстраняютъ его подалеже отъ себя и отъ дѣлъ, по которымъ онъ долженъ бы былъ имѣть непосредственное съ ними соприкосновеніе. Такова именно была причина отстраненія Платона, этого, по общему признанію, знаменитѣйшаго человѣка своего времени, отъ дѣлъ центральнаго церковнаго управленія. Черезъ три года по вступленіи на кафедру Московскую Платонъ совершенно не вызывается въ Петербургъ для присутствованія въ Синодѣ.

Но уже прежде своего невольнаго устраниенія отъ Синода, Платонъ со своимъ идеаломъ дружескихъ отношеній ока-

---

¹⁾ Отъ одного императора Павла Платонъ получилъ до 200 собственноручныхъ писемъ. Автобіографія, стр. 328.

зался здѣсь нетерпимымъ для другихъ и въ свою очередь почувствовалъ свое положеніе несноснымъ. Онъ нашель тамъ атмосферу взаимнаго недовѣрія и недоброжелательства, а главное осторожнаго молчальничества, или же прямо ласкательства предъ сильными міра въ ущербъ интересамъ церкви.

Еще до архіерейства, когда Платонъ, состоя законоучителемъ при Дворѣ, былъ сдѣланъ архимандритомъ Троицкой Лавры, то по сообщенію самого Платона „слѣдовало новому архимандриту и въ Синодѣ быть членомъ, поелику было опредѣлено всегда архимандритамъ Троицкія Лавры быть въ Синодѣ членами; но на сей годъ онъ до того не допущенъ по внушенію одного изъ синодальныхъ членовъ, хотя впрочемъ съ нимъ весьма дружно обходившимся, который, зная свободу Платонова нрава и разсужденія, заключилъ, но неизвѣстно почему, что отъ него по дѣламъ можетъ воспослѣдовать какое либо затрудненіе“¹⁾.

Сдѣлавшись затѣмъ членомъ Синода, Платонъ пишетъ о себѣ въ Автобіографіи: „горѣлъ Платонъ ревностью ко благу Церкви и духовнаго чина, и сія ревность была ему, яко врожденная. Усердствовалъ входить въ дѣла, и споспѣшествовать къ лучшему. Но многія узрѣлъ онъ затрудненія, кои ревность его или останавливали, или притупляли. „Нашель, что прокурорская власть или слишкомъ далеко распространена, или они много сами себѣ присвоивали, особливо имѣя особенные виды, которые съ благомъ церкви не могли быть согласны и при томъ бывъ подкрѣплены въ тѣхъ же видахъ отъ сильныхъ людей, да и такъ называемою политикою. сотрудииковъ своихъ, по большей части, находилъ онъ съ тѣми же добрыми и благоразумными расположеніями; но не столько великикъ духомъ, и удобно, или симъ, или воображаемой опасности уступающихъ. Были же и такіе, кои, таковымъ образомъ поступая, искали, да и находили, личныя свои выгоды, мало уважая общія. Сіе сильно смущало Платоновъ духъ и оскорбляло“²⁾. Несомнѣнно, что характеристику той и другой группы петербургскихъ дѣятелей и своего положенія между ними Платонъ даетъ въ одной изъ проповѣдей, представляя два вида „ласкательства“.

¹⁾ Автобіографія, стр. 222.

²⁾ Автобіографія, 223—224. Рук. Троице-Серг. Лавры № 121, стр. 32—33.

„Ласкательство есть порокъ навреднѣйшій для дѣлъ человѣческихъ. Онъ закрываетъ отъ насъ истину: или паче ложь представляетъ, яко истину: обманъ, яко мудрость: хитрость, яко благоразуміе: обиду другому, яко дѣло правосудное: развратность, яко похвальную благопристойность: а чрезъ то *мѣшаетъ небо съ землею*, и всѣ дѣла человѣческія наполняетъ мракомъ и превращеніемъ.

И какъ сіе зло есть погубительнѣйшее, то надобно узнать тотъ мерзкій источникъ, изъ коего оно проистекаетъ. Ласкатель долженъ быть *животное прехитрое, а притомъ корыстолюбивое и честолюбивое*. Онъ ищетъ съ жадностію корысти: онъ мучитъ себя размышленіями, какъ бы сыскать способы къ своему возвышенію, дабы чрезъ то *получить власть играть жребіемъ бѣдныхъ людей*.

Ищетъ и находитъ того, который жадность его корыстолюбія и честолюбія удовольствовать можетъ. Осматриваетъ его кругомъ, гдѣбъ найти слабое мѣсто, откуда бы его осадить было можно. Примѣчаетъ, что тотъ человѣкъ есть высокоумѣренъ, самонаравенъ, славолубивъ, и противу своего разума, ни чьего, противу своихъ дѣлъ, ни чьихъ лучше не ставитъ. Сіе усмотря, заключаетъ, что ласкательство есть наилучшій способъ ко уловленію его. Приступаетъ, беретъ на себя видъ притворный (ибо ласкатель долженъ быть и н лицемѣръ): что онъ смиренъ, простъ, не дальновиденъ, послушливъ, всею душою ему преданъ. Устроивъ такой приступъ, начинаетъ нравиться: ибо является быть добросердеченъ. Радуется о первомъ своего ухищренія успѣхѣ: поступаетъ далѣе. Начинаетъ всѣ выхвалять слова, что они исполнены Божественныя мудрости; что таковое благоразуміе нѣкоторымъ свѣше вдохновеніемъ въ него вліянно: удивляется всѣмъ его дѣламъ, что они правосудны, полезны. и едва ли кто изъ смертныхъ таковыя оказать могъ, и поздравляетъ себя, что онъ въ такое время родился, въ которое даровало ему счастье, таковыхъ великихъ дѣлъ удостоену быть зрителемъ. Симъ хитрѣйшимъ способомъ входитъ въ довѣренность слабого или высокоумѣрнаго человѣка.

Но сего не довольно. Нельзя безъ того, продолжаетъ Платонъ, *намекая на себя самого*, чтобъ между людьми хитрыми и развратными не было *людей добрыхъ и правдоуши-*

мытъ. Сіе ласкатель безъ примѣчанія не оставляетъ. Онъ усматриваетъ, что нѣкоторые изъ таковыхъ окружають ту персону, которую онъ уловить предпріяель. Почитаеть нужнымъ для себя дѣломъ, таковыхъ людей удалить, да бы не могли они ему воспрепятствовать въ его злыхъ замыслахъ. Начинаеть издалека *черными описывать ихъ красками*. По-малу, и какъ будто ненарочно, съ нѣкоторымъ видомъ боязливости, вмѣшиваетъ въ посторонніе разговоры, что они были бы хороши, когдабъ не столь были упрямы ¹⁾, что происходитъ отъ излишняго ихъ о самихъ себѣ мнѣнія: когдабъ не столь своей пользы искали: когдабъ болѣе усердіемъ къ нему были привязаны, что онъ иногда съ сожалѣніемъ и съ страхомъ примѣчаетъ, какъ они благоразумнымъ и премудрымъ его наставленіямъ и повелѣніямъ упрямо сопротивляются; вмѣсто того, что всякъ долженъ бы себя блаженнымъ почитать, чтобъ удостоиться быть ихъ исполнителемъ. И такъ по-малу прохладяетъ къ нимъ любовь своего начальника: а на себя обращаетъ всю его довѣренность. И сей есть первый ухищренія ласкателева способъ.

Второй родъ ласкательства происходитъ отъ малодушія. Нѣкоторыя низкія и боязливыя души не имѣють столько мужества, чтобъ правду защитить открытою главою, и порокъ обличить безъ обиновенія. Они дрожатъ на одно воображеніе, чтобъ имъ за правду и мало что претерпѣть, или потерять. Они, разсуждая, что правда глаза колеть, и говорить правду, значить потерять дружбу, постыднымъ образомъ ее предательствуютъ. И хотя сами внутренно смущаются, видя, что порокъ превращаетъ все доброе, но не имѣють духа Иліина, духа Іоаннова, чтобъ отважиться пойти, и обнаружить истину, ложью подавляемую.

Сіе тѣмъ для нихъ постыднѣе, а для общей пользы печальнѣе, что не рѣдко случается, что отъ таковаго свободаго истинны открытія никакой не моглобъ для нихъ послѣдовать опасности, кромѣ славы. Ибо многіе начальники погрѣшаютъ не отъ злости, но яко чловѣки, по невѣдѣнію: и по нѣкоторому иногда излишнему о власти своей мечтанію, впрочемъ имѣють чловѣколюбивое и благодѣтельное

¹⁾ „Говорять, что я гордъ и упрямы... Я того въ себѣ не примѣчаю“. Письма къ Амвросію. См. у насъ ниже.

сердце. Почему былибъ они обрадованы, еслибъ хотя одного нашли столь благоразумнаго и откровеннаго человѣка, который бы съ пристойною скромностію открылъ имъ истину, и показалъ бы имъ погрѣшность ихъ. Но рѣдко и въ такихъ случаяхъ находятся люди великодушные. Лучше они *любятъ ползать по землѣ*, нежели пускаться въ такое, по ихъ мнѣнію, бѣдственное плаваніе. И такъ рана остается неизлѣчима, ибо она еще прикрывается ядовитымъ ласкательства пластыремъ¹⁾.

Но оффиціальныи Петербургъ былъ чуждъ Платоновымъ воззрѣніямъ; онъ предпочиталъ „ласкателей“, и Платонъ среди послѣднихъ со своей дружественною искренностію оказывался одинъ, безъ поддержки. Дѣйствовать въ такомъ положеніи означало подвергать себя неминуемой гибели. Отсюда, по словамъ Автобіографіи, „несчастливыя обстоятельства обороты не только его останавливали въ лучшихъ его намѣреніяхъ; но и принуждали то подписывать, на что онъ не только не былъ согласенъ, но и, по возможности противорѣчилъ, и что находилъ бесполезнымъ и вреднымъ; а помочь тому никакого средства не было, ни способа, кромѣ какъ только подвергнуть себя несчастію; но при духъ семь добромъ, плоть была немощна. И какъ чрезъ продолженіе времени теченіе обстоятельствъ и дѣлъ все было таково же, то Платонъ тогда же къ сему, повидимому, знаменитому мѣсту ощу-

¹⁾ Поучит. слова V, 74—78. Характерны и дальнѣйшія слова Платона. „Какимъ образомъ можетъ нравиться сеи пагубный людей родъ? Мы естественно самолюбивы: пусть такъ: но не должно самолюбіе наше слѣпое быть. А сіябъ была крайняя слѣпота, думать о себѣ, что мы ни въ чемъ погрѣшить не можемъ: что мы всѣхъ людей превосходимъ своимъ разумомъ. Почему и не должны отвергать совѣты и представленія другихъ. Несносны намъ другихъ обличенія: но лучше сіе снести, нежели отдать себя власти своего самовравія. *Лучше сіе снести, нежели оскорбить другаго сердце, хотя можетъ быть неумѣренно, но искренно тебя открывающееся.* Несносны обличенія, говоритъ Соломонъ, и суть раны, но нечестивому. Обличай же праведнаго, и возлюбить ты (Прит. 9, ст. 6 и 8). Но какъ, скажетъ кто, можно узнать ласкателя? ибо онъ обыкновенно кроется подъ видомъ правдоглаголиваго. Самая лучшая его примѣта, когда онъ всѣ твои дѣла и слова чрезъ мѣру выхваляетъ, и не находитъ ни въ чемъ твоей погрѣшности. Отвергни таковаго: онъ или вредный ласкатель, или безумнѣйшій изъ людей, никаковымъ добрымъ совѣтомъ тебѣ послужить не могущій. Помни, что ты человѣкъ, и праведникъ седмижды на день падаетъ“ (Прит. 24, ст. 16).

тиль въ себѣ чувствительное прохладженіе; такъ что уже не-каль случая какъ бы отъ него избавиться“¹⁾). Въ 1776 г. въ сангъ епископа вызванный въ Синодъ, Платонъ, по словамъ Автобіографіи, скучаетъ присутствіемъ въ Синодѣ, по теченію дѣль съ его мыслями и началами не сходными и не видя въ сотрудиникахъ своихъ въ томъ содѣйствія, которые поступали по своимъ видамъ, ища можетъ быть болѣе своихъ выгодъ, нежели общихъ“, и рѣшается просить Императрицу „отъ отпускъ въ епархію и о увольненіи навсегда отъ Синода, почему и былъ отпущенъ, но только на годъ“. То же самое дѣлаетъ Платонъ и при слѣдующихъ вызовахъ въ Петербургъ, пока вскорѣ же не нашли тамъ за лучшее его вовсе не вызывать²⁾).

Платонъ, такимъ образомъ, бѣжитъ изъ Петербурга, невынося работы внѣ атмосферы нравственного долга и отечески-дружескихъ отношеній³⁾). Подобно своему великому учителю, бѣжалъ изъ Петербурга и Филаретъ, и такъ же одновременно и неволею и волею. Но Филаретъ былъ невыносимъ въ Петербургѣ, и Петербургъ былъ тяжелъ для Филарета потому лишь, что атмосфера Петербурга не была атмосферой нравственного долга, внѣ которой не хотѣлъ работать Филаретъ. Для Платона Петербургъ былъ невыносимъ вдвойнѣ, какъ атмосфера отрицанія не только нравственного долга, но и началъ дружбы. Здѣсь чрезвычайно характеренъ фактъ цѣло-жизненнаго отрицательнаго отношенія Платона къ первенствующему члену Синода митрополиту Гавриилу. Гаврииль, это одна изъ наиболѣе свѣтлыхъ личностей царствованія Екатерины и Павла. Человѣкъ твердаго характера, энергичный дѣятель во всѣхъ отрасляхъ епархіальнаго управленія⁴⁾, онъ былъ и человѣкомъ безусловно

¹⁾ Автобіографія, 223—224.

²⁾ Автобіографія, 232.

³⁾ Въ іюнь 1797 года Платонъ пишетъ ученику своему архіепископу Псковскому Меодію (Смирнову) по поводу предполагаемаго вызова для участія въ св. Синодѣ, „духъ мой слишкомъ далекъ отъ того, чтобы желать пристать къ оному, тебѣ и всѣмъ извѣстному, правительственному собранію“. Матеріалы для исторіи русской церкви, т. II. „Извлеченіе изъ писемъ Московскаго митрополита Платона къ архіепископу Псковскому Меодію Смирнову“, стр. 53.

⁴⁾ См. Знаменскій. Прав. Соб. 1875, ч. II, стр. 342—343. См. также отдѣль-

нравственнаго долга. Но Платонъ не любилъ его за его дѣятельность по обще-церковному управленію, несмотря на то, что самъ Гавріиль относился къ нему съ большимъ уваженіемъ и предупредительностью. Разгадка этого страннаго факта заключается въ томъ, что Гавріиль не признавалъ въ сферѣ общественной дѣятельности сердечно-дружескихъ отношеній и связей. Самозамкнутый, молчаливый инокъ-аскетъ, онъ дѣлалъ свое дѣло, подобно Филарету, только предъ лицомъ собственной совѣсти, никому ея не довѣряя, строго измѣряя степень собственного дерзновенія со степенью собственныхъ духовныхъ силъ—съ одной стороны, и степенью довѣрія къ нему другихъ—съ другой. Платонъ совершенно вѣрно говорилъ про Гавріила, что у него „все дѣлается чиеломъ, мѣрою и вѣсомъ“¹⁾, но для Платона, представлявшаго себя добро не иначе, какъ въ атмосферѣ дружбы, была непонятна нравственная цѣнность дѣйствій внѣ этихъ отношеній, и несомнѣнно, что подъ „ласкательствомъ второго рода“ Платонъ разумѣлъ прежде всего дѣятельность м. Гавріила. На самомъ дѣлѣ дѣятельность Гавріила была дѣятельностью челоуѣка нравственнаго долга, *но въ духѣ Филарета*. „Вы, отецъ намѣстникъ,—писалъ однажды Филареть своему „другу“ Антонію,—думаете подвигнуть меня въ близость къ исповѣдникамъ.—Далеко.—Довлѣеть, аще съ мытарями проповѣмъ Божіе милосердіе²⁾... Можно стучать въ запертую дверь съ молитвою, но съ совѣтами можно войти только въ отверстую“³⁾,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Платонъ не понималъ и не признавалъ нравственной возможности „закрытыхъ дверей“ сердца въ отношеніяхъ людей связанныхъ однимъ общественнымъ подвигомъ и закономъ нравственнаго долга. Отсюда для него былъ несносенъ Петербургъ одинаково какъ съ своимъ дѣйствительными „ласкателями“, такъ и съ дѣятелями нравственнаго долга, но закры-

---

ную брошюру архимандрита Макарія „Сказаніе о жизни и трудахъ Гавріила, м. Новгородскаго“, СПб., 1857.

1) Матеріалы для исторіи русской церкви. Письма Платона къ Мееодію. Примѣч. къ письму отъ 7 февраля 1806 г. Стр. 58—59.

2) Письма къ Антонію, IV, 421.

3) Сборникъ мыслей и изреченій м. Филарета. Изъ переписки его съ разными лицами, стр. 41. М. 1897.

тыхъ дверей сердца. И онъ бѣжитъ изъ Петербурга въ Москву.

Но укрыться отъ Петербурга было невозможно и сидя на епархіи. Устранившись отъ непосредственнаго соприкосновенія, Платонъ долженъ былъ вести письменныя сношенія по дѣламъ своей епархіи, восходившимъ до высшаго церковнаго управленія. И здѣсь Петербургъ остался вѣренъ себѣ въ своемъ рѣшительномъ отрицаніи отечески дружественной атмосферы въ отношеніяхъ съ подчиненнымъ ему, хотя и великимъ, но юридически безсильнымъ архипастыремъ. Во всѣхъ исходившихъ изъ Петербурга указахъ и предписаніяхъ Платону давалось чувствовать, что разъ онъ не присутствуетъ въ Синодѣ, тамъ не обязаны и не имѣютъ никакого желанія считаться съ его мнѣніемъ и чувствами, что, какъ рядовой епархіальный архіерей, онъ долженъ *по смиренію непрекословно подчиняться тому, что приказываютъ.*

Но Платонъ не признавалъ, что христіанская добродѣтель смиренія исключаетъ чувство собственнаго достоинства, сознаніе требованій нравственнаго долга не только въ отношеніи себя къ другимъ, *но и другихъ къ себѣ*, право собственной нравственной оцѣнки мѣръ и предпріятій, въ которыхъ онъ долженъ принимать участіе.

„Смиреніе, разсуждаетъ Платонъ въ одной изъ проповѣдей, *различно можетъ пониматься быть и не все то, что подъ симиъ именемъ почитается, заслуживаетъ честь добродѣтели.* Смираннымъ, напримѣръ, иногда почитается тотъ, кто страшитя какихъ либо важныхъ предпріятій и убѣгаетъ отъ великихъ званій. Сіе не можетъ всегда почитаться добродѣтелемъ, а нѣкоторымъ естественнымъ недостаткомъ и *слабостью духа.* Если же бы кто, имѣя дарованіе и способности, отъ великихъ, возлагаемыхъ на него должностей отрицался, тотъ не избѣжалъ бы и грѣха предъ Богомъ, яко данный отъ Него талантъ въ пользу свою и другихъ обратить не хотящій. *Смиреніе... съ благодетвомъ духа есть вмѣстительное...* Смиреніе, намекаетъ Платонъ на петербургскихъ дѣятелей, иногда состоитъ и въ одной наружности, а внутренность наполнена высокоуміемъ и гордостью. Сей обманчивый видъ на себя приемлющіе люди *улыгають свои слова яко елей; но они суть стрѣлы:* униженностью своею и притворною боязливостью представляютъ себя готовыми ко вся-

кимъ услугамъ; но черезъ то тщатся сокровенная свои ко вреду другихъ замыслы произвести въ дѣйствіе: *показываютъ видъ набожности и частыми воздыханіями являютъ себя быть напоенными духомъ благочестія*, но сіе творять дабы симъ видомъ, прельстивъ простыхъ свою корыстолюбивую алчность насытить... Такое смиреніе не токмо не есть добродѣтель, но и Богопротивное лицемѣріе и вреднѣйшее лукавство. Истинное смиреніе есть, когда не высокоумдрствуемъ мы не о себѣ, ни о дѣлахъ своихъ. Должны всегда памятовать, что мы человѣки. Если точно понимаемъ мы что есть человѣкъ, *не унизимъ своего достоинства и не присвоимъ себѣ излишняго. Что созданы мы по образу Божію сіе заставитъ насъ хранить благородство нашей природы и не унижить себя до состоянія животныхъ безсловесныхъ* ¹⁾. „Говорять, пишетъ Платонъ первенствующему члену Синода Амвросію, что я гордъ и упрямъ. Ежели сіе правда (ибо я того въ себѣ не примѣчаю, можетъ быть по самолюбію ибо гордостью могутъ почитать, что я не ласкательствую: а упрямствомъ то, что непреклоненъ въ томъ, что почитаю справедливымъ, однако, ежели сіе правда, то желаю и молю Бога, да смиритъ меня, да будетъ благо мнѣ и да умягчитъ. Къ человѣческому суду въ семь случаевъ относиться ненадежно, а лучше къ Божію. Впрочемъ, пощадите мою старость и помогите мнѣ умереть въ мирѣ съ Богомъ и человѣки. Я же къ вамъ пребуду всегда... открытымъ сердцемъ“ ²⁾.

Въ другихъ проповѣдяхъ Платонъ настойчиво проводитъ мысль, что добродѣтельный человѣкъ безъ глубокой скорби не можетъ относиться къ несправедливой оцѣнкѣ его трудовъ другими.

„Горестна есть чаша сія, говоритъ онъ, когда за труды нѣтъ достойнаго награжденія... *Горестна есть чаша сія, когда добродѣтель не только остается безъ награжденія, но иногда терпитъ и гоненія.* Злостенъ и хитръ есть міръ сей; не смѣетъ онъ, говоритъ Платонъ, намекая на свое собственное положеніе, не смѣетъ онъ прямо возстать противъ добродѣтели, но оную переименовать и передѣлывать умѣетъ“ ³⁾...

¹⁾ Поучительныя слова. X, 105—107.

²⁾ Письма къ Амвросію и Августину, стр. 56.

³⁾ Поучит. слова. X, 97.

Тотчасъ вооружатся зависть, клевета, привычка съ невѣжествомъ, и собственная другихъ корысть. Начнемъ ли что къ лучшему учредить, хотя бѣ то было и справедливо, и обще для всѣхъ полезно? Зависть не приминетъ толковать, что сіе происходитъ отъ одной прихоти, по собственному о себѣ высокоумію: клевета прибавитъ, что сіе заводится съ сокровеннымъ намѣреніемъ, чтобъ или свою токмо выгоду въ томъ найти или другому по пристрастію угодить; и начатое дѣло совсѣмъ въ иномъ видѣ представить, нежели какъ оно само въ себѣ есть. Невѣжество протолкуетъ, что ничему не должно быть, чего не бывало, не рассматривая ни прежняго устройства, ни настоящей пользы. Взять ли крѣпкій духъ, чтобъ правосудіе наблюдать? Вооружится нѣкоторыхъ собственная корысть, которая видитъ, что черезъ сіе пристрастіе ея обнаруживается: и потому не оставитъ разглашать, что таковая поступка есть неумѣренная строгость, и всякія потщится разнообразныя ввергать затрудненія ко ослабленію духа мужественнаго. Злымъ и хитрымъ образомъ переодолѣвъ нашу добродѣтель, нападаетъ на оную и увѣряетъ самого себя и другихъ какъ бы онъ гонитъ не добродѣтель челоуѣка того, но порокъ, прикрытый видомъ добродѣтели. Трудно подлинно пить таковой пріемъ, чтобы слезами оной не растворять“ ¹⁾. Въ этихъ словахъ Платонъ совершенно ясно изображаетъ свое собственное положеніе. Его прямодушіе представлялось людямъ холоднаго Петербурга, какъ гордость ²⁾, твердость взглядовъ и убѣжденій—упорствомъ ³⁾ бережливость—скупостью ⁴⁾ тонкая чувствительность къ нравственной и сердечной оцѣнкѣ другими своихъ дѣйствій—честолюбіемъ.

Въ 1780 годахъ Платонъ съ особенной энергіей принялся за приведеніе въ исполненіе давнишнихъ, но плохо дѣйствовавшихъ узаконеній о безмѣстномъ духовенствѣ, которое производило множество безобразій и соблазна по Москвѣ: воспользовавшись поднятымъ въ 1784 г. разборомъ духовенства, онъ въ два года успѣлъ вывести всѣхъ безмѣст-

¹⁾ Поучит. слова.

²⁾ Автобіографія, стр. 260.

³⁾ Автобіографія, стр. 262.

⁴⁾ Автобіографія, стр. 260.

ныхъ и кромѣ того домовыхъ священнослужителей, которые тоже, какъ и безмѣстные, служили по найму у разныхъ вельможъ, а иногда выходили и на крестецъ; всѣ они, кромѣ запрещенныхъ въ священнослуженіи, были распределены по штатнымъ мѣстамъ. Но только лишь эта мѣра возымѣла надлежащій успѣхъ, какъ по Москвѣ поднялся ропотъ, что мало стало по церквамъ раннихъ литургій, а знатные люди обратились съ жалобами на него въ Петербургъ, что де отнялъ у нихъ домовыхъ или крестовыхъ поповъ; изъ Петербурга пришелъ отъ Высочайшаго имени запросъ о причинѣ таковыхъ распоряженій ¹⁾. „Пишетъ ко мнѣ Императрица,—сообщаетъ Платонъ Амвросію отъ 4 февраля 1786 г.,—чтобы я ее увѣдомилъ, зачѣмъ священники, такъ называемые ранніе, лишены своихъ мѣстъ, и почему не совершаются литургіи, называемыя ранними. Я послалъ къ ней все, что нужно по этому дѣлу. Что выйдетъ, не знаю, но лучшаго не жду. Такъ-то угодно Богу быть намъ волнуемымъ напастей бурей. Ждемъ погоды, но непогода усиливается...“ ²⁾. Черезъ мѣсяцъ Платонъ безпокойно пишетъ къ тому же Амвросію: „о раннихъ попахъ, уже шестая недѣля, нѣтъ ничего. Что будетъ, не знаю“ ³⁾.

Въ 1788 году „кто-то донесъ на Платона, что онъ сдѣлалъ новый противозаконный налогъ на бѣлое священство, несмотря на то, что послѣднее еще въ въ 1764 году освобождено было отъ всякихъ сборовъ стараго церковнаго тягла. Дѣло было въ томъ, что, вслѣдствіе недостатка суммъ, отпускавшихся на содержаніе академической бursы и крайне бѣдственнаго положенія бурсаковъ, Платонъ, какъ и всѣ почти архіереи того времени, вздумалъ обратиться въ этомъ случаѣ къ помощи духовенства и выдалъ по епархіямъ указъ о добровольныхъ пожертвованіяхъ причтовъ въ пользу бѣдныхъ академистовъ. Изъ Петербурга, не разобравъ дѣла, прислали ему самый обидный выговоръ, черезъ вице-губернатора Еропкина, потребовали отвѣта, на какомъ основаніи онъ затѣялъ этотъ новозаведенный налогъ, и указали

¹⁾ Знаменскій. Прав. Соб. 1875 г. II, 397—398.

²⁾ Письма къ Амвросію, стр. 5—6.

³⁾ Тамъ же, стр. 6.

непремѣнно возвратить всѣ деньги по принадлежности, съ кого сколько получено ¹⁾).

Чувствуя въ себѣ избытокъ духовныхъ силъ и желая принести ихъ всѣ на пользу церкви и общества, Платонъ считалъ себя вправѣ не только какъ епархіальный архіерей, но и какъ человѣкъ, сослужившій уже немалую службу Церкви, требовать, чтобъ къ его мнѣнію и голосу прислушивались или, по крайней мѣрѣ, относились съ уваженіемъ и не присылали къ исполненію такіе указы, которые шли противъ его совѣсти и пользы Церкви, внося въ жизнь Церкви, вмѣсто каноническихъ, „святскія“ начала ²⁾).

Но Петербургъ постоянно напоминалъ Платону, что онъ не признаетъ никакихъ иныхъ, нравственныхъ правъ и отношеній, кромѣ юридическаго своего права приказанія къ безусловному исполненію.

Это означало полное отрицаніе той атмосферы дружески-братскихъ отношеній, въ которой Платонъ не представлялъ

¹⁾ Знаменскій, Правосл. Соб. II, 43—44.

²⁾ Борьба противъ введенія свѣтскихъ началъ въ церковную жизнь была характерной чертой общецерковной дѣятельности м. Платона. Характерны въ этомъ отношеніи нѣкоторыя мѣста изъ его переписки съ архіепископомъ Амвросіемъ. „Пишете, говорится въ письмѣ отъ 30 августа 1788 г., о жалкомъ положеніи духовенства: и у насъ не иначе: таже надутость и не удивляюсь, зная, что привнесены свѣтскія начала отъ чего происходитъ все зло, именно имъ ввѣрена вся власть; насъ ставятъ ни во что и не только хотятъ подчинить насъ себѣ, но и почитаютъ своими подчиненными... Пойстинѣ, это гнѣвъ Божій за наши грѣхи. Особенно тяжело, что наше то начальство не только не идетъ противъ нихъ, но даже содѣйствуетъ имъ и бѣжитъ съ ними въ перегонку. Что намъ дѣлать несчастнымъ, какъ не призывать Бога не устами, а дѣломъ (Письма къ Амвросію и Августину, стр. 16). Жалко наше положеніе! Мы на землѣ бесполезное бремя: а они будто полезное, нѣтъ даже вредное бремя. Таково новое французское ученіе, которое давно уже заразило и испортило нашихъ. Это зло такъ усиливается, что развѣ одинъ Богъ можетъ отвратить оное. Вы однако сопротивляйтесь злу; просите помощи у Бога, чтобъ не попустилъ своей церкви погибнуть отъ враговъ ея; если бы я наименьшій могъ оказать въ этомъ какую нибудь помощь, я почелъ бы себя счастливымъ (Письма къ Амвросію, стр. 64). Ваше постоянное дѣйствованіе къ сверженію человѣка, который напитанъ былъ новыми началами (оберъ-прокурора Яковлева) заслуживаетъ всякой похвалы и я пламенно молю Бога, чтобы вы всегда оставались съ направлениемъ достойнымъ христіанскаго епископа (Письма къ Амвросію, стр. 66).

себѣ добра и потому не умѣлъ и не могъ работать. Платонъ переживалъ тяжелыя нравственныя страданія.

Филаретъ пережилъ гораздо сильнѣйшій ударъ человѣческой несправедливости, какого не переживалъ никогда Платонъ. Онъ испыталъ со стороны Петербурга несправедливость, для вѣрующаго человѣка вообще, и самоотверженнаго дѣятеля церкви въ особенности, тягчайшую изъ всѣхъ: обвиненіе въ неправославіи. Изданный имъ, образованнѣйшимъ архипастыремъ Церкви, катихизисъ былъ запрещенъ Синодомъ, какъ оказавшійся неправославнымъ предъ лицомъ невѣжественнаго мірянина, „который по своему произволу произвелъ себя не только въ богослова, но и въ судію вѣры и Церкви...“ ¹⁾. Къ голосу изгнаннаго Филарета Петербургъ прислушивается и даже очень желаетъ попользоваться гениальнымъ умомъ архипастыря, но обязательнымъ для себя его нравственный авторитетъ признавать отказывается; мнѣнія Филарета спрашиваютъ, но рѣшаютъ и приказываютъ безъ его участія, нерѣдко вопреки церковнымъ канонамъ, по началамъ „свѣтскимъ“ ²⁾. Приносящій свои труды въ жертву только Богу, Филаретъ, сознавая несправедливость оцѣнки его трудовъ другими, не испытываетъ сильнаго нравственнаго чувства обиды за пренебреженіе его трудовъ и его личности: онъ дѣлаетъ для Бога, а не для нихъ, а потому неблагодарности здѣсь со стороны послѣднихъ нѣтъ. Филаретъ скорбитъ ³⁾, но остріе скорби не доходитъ до сокровеннѣйшей основы его душевной жизни. Филаретъ хранитъ величавое спокойствіе ⁴⁾. Не то

¹⁾ Письмо м. Филарета къ митрополиту Серафиму отъ 13 декабря 1824. года. См. Сушковъ, Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московскаго. Приложенія. XXIV и XXV стр. 51.

²⁾ Сушковъ. Записки стр. 141—142.

³⁾ „Трудно было владыкѣ переносить скорбь сію“—пишетъ о Филаретѣ по дѣлу о катихизисѣ архіеп. Евгеній Казанцевъ. См. Матеріалы для исторіи русск. церкви. Чт. Общ. Люб. Дух. Просв. 1874 г. ч. III, стр. 54.

⁴⁾ „О спокойствіи моемъ, пишетъ Филаретъ родителямъ отъ 6 марта 1825 г., не беспокойтесь Вы. Лично я спокоенъ“. Письма къ роднымъ, письмо 267. Въ 1830 году за проповѣдь на 18 сентября, въ которой враги Филарета усмотрѣли намекъ на Государя, Филаретъ получилъ высочайшій выговоръ-предупрежденіе: „если онъ желаетъ говорить проповѣди, то не говорилъ бы подобныя послѣдней, имъ сказанной“. Выговоръ этотъ „по-

переживаетъ Платонъ, приносящій себя предъ лицомъ Божіимъ въ даръ *человѣку*. Любовь, приносящая даръ, не выноситъ пренебреженія или полнаго отверженія этого дара: нѣтъ нравственныхъ страданій тяжелѣе страданій отвергаемой любви. И такія именно страданія переживалъ Платонъ въ своихъ отношеніяхъ къ петербургскимъ дѣятелямъ. Объ этихъ страданіяхъ мы узнаемъ изъ писемъ къ викарію еп. Августину и къ епископу Амвросію, сначала викарію митр. Платона, и затѣмъ митрополиту Новгородскому, и наконецъ, къ бывшему ученику, еп. Меодію.

Въ 1797 г. апрѣля 10 онъ пишетъ Меодію: „Что касается дѣлъ міра сего, добраго нѣтъ ничего, и если бы религія и вѣра не поддерживали, то палъ бы подъ бременемъ. Столько и такихъ навѣтовъ и клеветъ, что удивляетъ, до чего можетъ дойти злоба. Ищу раскрыть тайники фарисеевъ и лицемеровъ, но и это не дозволяется. Многое написалъ бы, но ни мнѣ, ни тебѣ не будетъ полезно, если я ввѣрю письму“ ¹⁾. По поводу дѣла о крестовыхъ полахъ Платонъ пишетъ между прочимъ Амвросію: едва достаетъ силъ переносить все это. Остается впрочемъ великое утѣшеніе въ совѣсти, которая, не сознавая за собою ничего худого, не совсѣмъ падаетъ подъ этимъ бременемъ ²⁾. Въ августѣ 1789 г. Платонъ пишетъ Амвросію: „Я, слава Богу, здоровъ; а для духа прискорбныя обстоятельства кое-какъ переношу то терпѣніемъ, то иногда и забвеніемъ, то и невмѣщеніемъ всѣхъ въ голову; ибо ихъ множество; а паче упованіемъ на Бога, не благоволитъ ли перемѣнить печальныя на радостныя“ ³⁾.

30 октября 1790 года: „Нужно терпѣніе, которое Господь не на время заповѣдалъ намъ, но концемъ ему назначилъ смерть. Чего ждать на морѣ, кромѣ бурь и волненій? При-

ставилъ“ Филарета „въ великую заботливость о томъ, что онъ говоритъ“, и все же, по словамъ близкаго къ нему лица, „при семъ не примѣтно было въ немъ никакого смущенія, и онъ казался спокойнымъ“. Нѣкоторыя воспоминанія М. М. Евренова о м. Филаретѣ, стр. 40. М. 1873 г. (Душ. Чтеніе 1870 г. Ч. I). См. Корсунскій, Святитель Филаретъ, стр. 363, 365.

¹⁾ Письма къ Меодію, стр. 53.

²⁾ Письма къ Амвросію, стр. 6.

³⁾ Письма къ Амвросію, стр. 18—19.

станъ не здѣсь намъ назначена, а на небѣ. Будемъ же подкрѣплять себя молитвами и упованіемъ на Бога“ ¹⁾.

Въ августѣ 1791 г.: „Прошу помолиться да и внутренность будетъ спокойна: ибо сіе уже зависить не отъ мѣста, и не отъ воздуха, но отъ Божіей благодати“ ²⁾.

27 апрѣля 1793 г.: „Я пріѣхалъ въ Москву на праздники, побужденъ бывъ, признаюсь, не своею волею, но многими отзывами. Побывъ нѣсколько недѣль здѣсь, паки намѣренъ возвратиться въ прежнее свое гнѣздо (т. е. въ Лавру и Виѳанію) дабы сколько нибудь себя успокоить, сокрывшись отъ предметовъ возмущающихъ“.

Въ ноябрѣ 1794 г.: „Прежде я васъ письмами задиралъ: ибо, нѣсколько рулемъ общихъ дѣлъ правя, имѣлъ что писать. Но нынѣ все возвращается безъ меня: другіе на себя обращаютъ очи и перо. Слава Богу, что отъ такихъ безпокойствъ свободился, коими можетъ быть безпокоилъ бы и другіихъ. Теперь сижу въ Виѳаніи, да и мѣсто... Но міра каверзы и сюда досягаютъ. Я думалъ было за прежніе труды и заслуги получить, ежели не награду, то хотя похвалу, хотя уже щадѣніе. Но видно, что мало добра сдѣлалъ я, а самолюбіемъ самъ себя обманывалъ. Не могу сказать, чтобъ отъ людей я то заслужилъ. Но Богъ праведно мои грѣхи наказываетъ: предъ Его судъ входятъ грѣхи и юности и невѣденія, и тайные. Прошу помолиться, чтобъ Милосердый явилъ мнѣ милость и въ жизни, паче же въ кончинѣ, чрезъ Христа Своего. Я на твою любовь полагаюсь: ибо для чего мнѣ того отъ васъ не ожидать, когда не чувствую себя въ чемъ либо предъ вами погрѣшившимъ. Вы сіе письмо, можете подумать, что писано отъ великаго унынія? Никакъ! Я гораздо спокойнѣе, нежели мои обстоятельства требовали: и сіе не отъ мене: Божій даръ“ ³⁾.

22 іюля 1796 г.: „Прошу меня успокоить; какъ не смущаться? Какъ бодрость духа удержатъ, особливо воображая прежнее свое положеніе?“ ⁴⁾

23 іюля 1797 г.: „Скорблю, что тебя постигли непріятно-

1) Письма къ Амвросію, стр. 21.

2) Письма къ Амвросію, стр. 22.

3) Письма къ Амвросію, стр. 26.

4) Письма къ Амвросію, стр. 35.

сти отъ людей неблагодарныхъ и нечестивыхъ. Но это обыкновенная наша участь и нечего ждаты отъ развращеннаго міра. Много такого и даже болѣе тяжкаго претерпѣлъ и я и впередъ не предвижу, чтобъ улучшило нашу участь; а тѣмъ менѣе могу помочь тебѣ“¹⁾.

Въ концѣ 1797 года и началѣ 1798 года Платону пришлось испытать тяжесть Петербургскаго отрицанія началъ его жизненнаго идеала такъ, какъ никогда прежде. Въ концѣ 1796 года на престоль вступилъ ученикъ Платона Павелъ, пятнадцать лѣтъ ведшій съ нимъ милостивую переписку, въ которой самъ себя называлъ „вѣрнымъ другомъ Платона“. Сначала всѣ предполагали, что при новомъ императорѣ Платонъ будетъ пользоваться особымъ вліяніемъ. У Платона заискивають и ищутъ вниманія и благосклонности. Но новый императоръ въ ноябрѣ 1797 года совершаетъ необычайный въ исторіи церкви актъ: вводитъ для награжденія архіереевъ ордена, высшимъ изъ нихъ—орденомъ Андрея Первозваннаго награждаетъ Платона и требуетъ его въ Петербургъ, имѣя въ виду самолично возложить на него орденъ. Но Платонъ находитъ, что этотъ актъ есть утвержденіе свѣтскихъ началъ въ церковной жизни, откровенно пишетъ своему царственному другу письмо, въ которомъ дружески возражаетъ противъ дѣйствія императора, и медлитъ ѣхать въ Петербургъ. „Сіе (т. е. пожалованіе орденовъ),—пишетъ Платонъ въ Автобіографіи,—его удивило. Ибо было сіе дѣло необыкновенное, и никогда въ Духовенствѣ ни въ греческомъ, ни въ русійскомъ небывалое.—Сверхъ того, опасался, чтобы не воспослѣдовало въ народѣ какого раскола, который и безъ того усилился; и между единовѣрными намъ, Греческими и другими народами, какого раздѣленія. Такъ рассуждалъ Платонъ не при семъ случаѣ только, но и гораздо прежде, когда носился слухъ, при покойной Императрицѣ, что акибы Архіереямъ даны будутъ кавалеріи.—Основательно ли онъ рассуждалъ, или нѣтъ, отдается на судъ безпристрастнымъ и духомъ Божіимъ водимымъ христіанамъ. При такомъ рассужденіи почелъ Митрополитъ долгомъ своимъ и долгомъ дружества, написать къ Государю, и написалъ, въ самыхъ краткихъ и кроткихъ выраженіяхъ, что новое Архі-

¹⁾ Письма къ Меводію, стр. 53.

ереевъ кавалеріями пожалованіе принято почти отъ всѣхъ съ удивленіемъ; и что оно можетъ дать случай разнымъ толкамъ“ ¹⁾. Въ отвѣтъ Платонъ получаетъ совсѣмъ не дружескій выговоръ отъ Императора и въ собственноручномъ письмѣ и въ особомъ синодскомъ указѣ (правда, по другому дѣлу), который члены Синода, спѣша исполнить волю Государя и опасаясь, какъ бы онъ ее не перемѣнилъ, подписали во время совершенія литургіи въ алтарѣ на жертвенникѣ. Опала свыше сразу измѣнила заискивающія отношенія къ Платону въ холодныя и враждебныя. 10 марта 1798 года при встрѣчѣ Государя въ ожиданіи его прибытія „въ пріемной залѣ Петровскаго дворца, гдѣ собрались гражданскіе и военные чины, Платонъ сидѣлъ какъ бы чужой и незнакомый для паствы своей и опальный; никто, кромѣ секретаря Лопухина, не подошелъ къ нему подѣ благословеніе, да и онъ никого не благословлялъ, показывая видъ, что не узнаетъ“ ²⁾.—Дѣло кончилось благополучно. Павелъ принялъ Платона очень милостиво и, оказавъ ему всѣ знаки вниманія, пожелалъ самъ надѣть на него орденъ. Платонъ продолжалъ было настаивать на своемъ, но получивъ совсѣмъ недружественный отвѣтъ Павла, „что о томъ онъ довольно разсуждалъ и хочетъ, чтобы его воля была исполнена“, дол-

¹⁾ Автобіографія, стр. 238.

²⁾ Снегиревъ, Жизнь, ч. I, стр. 90. Съ этимъ *привѣденымъ нравомъ* пришлось познакомиться Платону гораздо раньше, во дни юности въ бытность свою ректоромъ Троицкой Лаврской семинаріи. Ближайшій начальникъ семинаріи архимандритъ Лавры Лаврентій „прибывъ въ Лавру въ 1762 году, столь полюбилъ Ректора Платона, что онъ всегдашнимъ и почти неотлучнымъ при немъ пребываніемъ почиталъ уже нѣсколько отягощаемымъ; всегда съ нимъ обѣдалъ, всегда ужиналъ; всегда всюду съ нимъ выѣзжалъ; однако благодарствіями его ласковостью столь възыскавъ, что никогда безъ благодарности имени его помянуть не могъ. При семъ въ первый разъ случилось узнать Платону, что есть *привѣденымъ нравомъ*: видя, что Архимандритъ Ректора жалуетъ, всѣ власти, всѣ соборныя, всѣ учителя, его, яко на рукахъ носили. Но единожды по нѣкоторому случаю прогнѣвался на него Архимандритъ, чрезъ двѣ ведѣли его къ себѣ не допуская. Всѣ власти и соборныя и учителя, или холодно съ нимъ стали обращаться, или и совсѣмъ отвращались. Но когда паки Архимандритъ въ прежнее любовное обращеніе его принялъ, тогда и всѣ перемѣнились, и стали по прежнему—тогда Платонъ, примѣтивъ сіе, а послѣ живъ при Дворѣ, сказалъ: *что и въ монастырѣ есть что то положе на привѣденымъ*“. Автобіографія, стр. 216—217.

женъ былъ повиноваться и принять изъ рукъ „друга“ то, что онъ считалъ орудіемъ внесенія свѣтскихъ началъ въ церковь...

У императоровъ Павла и Александра Платонъ по прежнему не пользовался вліяніемъ, какъ и при Екатеринѣ, и потому оффиціальныи Петербургъ сохраняли къ Платону прежнія отношенія, до самаго конца его жизни, доставляя глубочайшія страданія.

Отъ 13 октября 1802 года Платонъ пишетъ Амвросію въ Петербургъ: „Я васъ не позабылъ и въ уединеніи; да хотябъ и забылъ; но вы своими указами можете разбудить. Съ міромъ ладить трудно. Дай Богъ умереть въ мирѣ съ Богомъ и съ добрыми человекѣми“ ¹⁾.

Тотъ же тонъ страдающей души господствуетъ и въ послѣдующихъ письмахъ къ Амвросію и Августину.

6 декабря 1802 г.: „Кандидаты на празднаыя мѣста (настоятелей монастырей) представить удерживаюсь тѣмъ, что мои представленія неосновательными быть оглашаются. Признаюсь, что не хочется терпѣть такого стыда, и начинаю самъ о себѣ сомнѣваться, что столько правя паствою, столько подвиговъ претерпѣвъ, столько людей достойныхъ выведши не сталъ ли я нынѣ хуже и разсудкомъ и совѣстью? Боже! укрѣпи меня въ терпѣніи“ ²⁾. 28 ноября 1804 г.: „Я борюсь съ немощами моеи старости и возмущаюсь духомъ, когда разсуждаю, каково у насъ положеніе церкви Христовой. Возношу усердно молитву къ святѣйшей главѣ ея, да поможетъ намъ, и чтобъ между ними, служителями церкви, было больше согласія“ ³⁾. Извините, что я не въ свое дѣло вхожу. Богъ вамъ сіе поручилъ, а меня отставилъ,—васъ Онъ да умудритъ. А сіе пишу по дружбѣ и по старческой ревности“ ⁴⁾.

19 іюля 1805 г.: „Я болѣе дивлюсь и досажую на тѣхъ, кои такъ несовѣстно, да и со мною поступаютъ, Богъ имъ воздастъ“ ⁵⁾.

Отъ 7 января 1806 г.: „Въ Дмитровъ что ѣздилъ, почто

1) Письма къ Амвросію, стр. 59—60.

2) Письма къ Амвросію, стр. 61.

3) Письма къ Амвросію, стр. 79.

4) Письма къ Амвросію, стр. 83—84.

5) Письма къ Амвросію, стр. 109.

любопытствовать? Право, выйти нельзя! по слѣдамъ смотреть! Столько-то я великъ, или кажуся опасень“¹⁾).

11 марта 1806 г.: „Удивляетъ меня и смущаетъ, что императрица мнѣ ничего не отвѣчаетъ на мое письмо, коимъ поздравлялъ и послалъ къ ней и дѣтямъ книги“²⁾).

26 января 1808 г.: „Чтобъ далѣе куда отъ насъ удалиться я не желаю. А интриги гдѣ быть не могутъ? Онѣ только видъ свой перемѣняютъ, а не существо“³⁾).

6 апрѣля 1808 г.: „Моисей и въ Богоявленскій и въ ректора (Моск. Слав.-Гр.-Лат. Академіи) опредѣленъ безъ представленія моего... даже противъ моего желанія... Дай Господи! претерпѣть до конца. Ибо я очень слабъ тѣломъ: да и духомъ трогаюсь“⁴⁾).

18 сентября 1809 года—Амвросію, по полученіи ордена Владимира 1 степени: „И на наружность не льщусь; но ежели что заслужилъ предъ Церковью и Богомъ, то милостивой награды отъ Всещедраго Бога ожидаю, особливо, при послѣднихъ дняхъ жизни моей. Желаю и вамъ находить единственно въ томъ удовольствіе, дабы удостоиться быть вѣрнымъ орудіемъ благоустройства церкви Его, и въ семъ почитать все свое блаженство и радость, ежели чѣмъ вѣрно услужите благосостоянію и цѣлости сего священнаго церкви Его тѣла“⁵⁾).

2 января 1810 г.: „Желаю вамъ, дабы не пали подъ бременемъ, но паче воставали; а я подъ бременемъ старости падаю, и время моего отшествія наста; но аще живу, аще умираю, Господень да буду“⁶⁾).

Платонъ, какъ видно изъ этихъ писемъ ищетъ спасенія отъ страданій, пытается побѣждать ихъ *чувствомъ покоя совѣсти*, сознанія исполненнаго нравственнаго долга.

Въ проповѣдяхъ этого времени на ряду съ мыслями о горестности чаши человѣческой несправедливости доминируетъ мысль о сладости и важности внутренняго покоя совѣсти.

¹⁾ Письма къ Августину, стр. 115—116.

²⁾ Письма къ Августину, стр. 120.

³⁾ Письма къ Августину, стр. 127.

⁴⁾ Письма къ Августину, стр. 130.

⁵⁾ Письма къ Амвросію, стр. 86.

⁶⁾ Письма къ Амвросію, стр. 87.

„Всѣ сн обстоятельства, говоритъ онъ въ одной изъ проповѣдей, зависятъ отъ внутренняго духа расположенія, когда ты совѣстенъ, не загоренъ, когда ты душою своею примиренъ съ Богомъ, то уже все то возмутитъ тебя или не сильно, или съ терпѣніемъ и великодушіемъ оно перенесешь. Что тебѣ снаружи повредить, когда самое царствіе Божіе вцуть тебѣ есть? Повѣрь истинѣ Божіей, не всеу глаголющей: кто цоемлетъ на избранное Божіе, Богъ оправдаяи. Когда сторонніе насъ утѣвняютъ обстоятельства и приводятъ въ смущеніе и терзанія, тогда кажется намъ, что сн смущенія приходятъ къ намъ со стороны, а не отъ насъ. Но не такъ оно есть. Смущаемъ мы всегда сами себя. Ибо сторонними противностями смущаться или нѣтъ, зависитъ единственно отъ нашего разсужденія и произволенія. Часто мы видимъ, что одниъ противными обстоятельствами смущается, увываетъ, рошчетъ, а другой тѣ же самыя обстоятельства споситъ великодушно безъ внутренняго колебанія или не уважая оныхъ, или презирая ихъ; а паче препоручая себя отеческому Божьему о себѣ Провидѣнію“¹⁾.

Но увы, дружелюбивая и правдолюбивая душа Платона могла все снести, кромѣ свирѣпаго холода Петербургской оффиціальности, который неизбѣжно долженъ былъ пронизывать его, пока онъ стоялъ на открытой высотѣ кафедры Московской.

И вотъ, чтобы укрыться отъ этого холоднаго вѣтра, Платонъ рѣшается снова бѣжать... бѣжать съ высоты архіерейской кафедры.

„При развратностяхъ и опасностяхъ міра, благо есть и премудро, говоритъ Платонъ въ проповѣди 2 февраля 1792 г., избрать состояніе небурное, т. е. уединенное, въ которомъ бы ты могъ, упражняясь въ молитвѣ и богомыслии, трудомъ своимъ спискивать себѣ хлѣбъ, будучи удаленъ отъ мірскихъ суетъ и соблазновъ. Сей покой избралъ Преподобный Сергій“...

Но къ этому покою можетъ стремиться и всякій, когда чувствуетъ въ себѣ немощь сохранить покой совѣсти среди трудовъ и соблазновъ міра.

Приведа слова старца Симеона: нынѣ откупаемъ раба

¹⁾ Поучит. слова XIII, 52—53, ср. IV, 206—207.

воего съ міромъ, Платонъ говоритъ: какъ, конечно, нѣкоторые суть служащіе пользѣ другихъ, по мѣрѣ дарованія Божія, то могутъ ли они просить себѣ отпуска со Святымъ Симеономъ? Сей вопросъ вообще не могу я рѣшить, а можетъ рѣшить совѣсть cadaго. Однако не знаю, не извинится ли тотъ предъ Богомъ, который своею жизнью жертвуя пользѣ другихъ и почти всю ее препроводивъ въ семь подвиговъ, наконецъ бывъ самыми тѣми трудами изнуренъ и естественными немощами ослабленъ, а потому не находя уже въ себѣ ни бодрости духа, ни крѣпости силъ; ежели послѣ всего сего отважится со смиреніемъ возвысить изнемогающій свой гласъ и сказать съ Симеономъ: нынѣ отпускаеши раба Твоего съ миромъ: чтобы остающіеся дни препроводить въ гнишіи и развлеченныя на другихъ мысли обратить уже на самого себя: ежели, говорю, таковой отважится просить себѣ отпущенія съ Симеономъ, не знаю, не извинится ли онъ предъ Господомъ Богомъ. Но о семъ судить представляю совѣсти cadaго, при свидѣтельствѣ Духа Св. ¹⁾.

Произнесши эту проповѣдь, митрополитъ Платонъ подавъ прошеніе объ увольненіи его на покой въ свою пустынную Визанію.

Приведенныя сейчасъ слова Платона поразительно напоминаютъ слова митрополита Филарета въ двухъ проповѣдяхъ, произнесенныхъ въ два самыхъ тяжелыхъ момента жизни послѣдняго въ 1824 году—году обвиненія въ неправославіи и 1842 году—году окончательнаго удаленія изъ Петербурга. Изобразивъ здѣсь сладость пустынножителства, Филаретъ говоритъ:

„Что дѣлать, если... благословенное приглашеніе, всюду и всегда благословлять Господа, не успѣнно повторяю я въ душѣ моей отъ того, что міръ въ то же время, не переставая, оглашаетъ и оглушаетъ ее своими разнообразными гласами требованій, прещеній, прельщеній, смущенія, развлеченія, нужды, заботы, страстей, похотей, и она не находитъ довольно силы, противоборствовать сему или утомленная противоборствомъ, жаждетъ приблизиться къ Богу безъ препятствій со стороны тварей, служить Ему безъ развлеченій? Въ семъ случаѣ не остается иного, какъ расторгнуть всякія узы, привя-

¹⁾ Источ. слова XVI. 7—8.

зываютъ насъ къ міру, бѣжать, какъ израильтяне изъ Египта, какъ Лотъ изъ Содома, и учредить для себя въ пустынѣ новое жительство добровольнаго изгнанничества, въ которомъ бы все внушало намъ, что не имамы здѣсь пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ (Евр. XIII, 4)... Мы же, бесѣдующему нынѣ о пустынѣ и затѣмъ долго пребывающему въ молвѣ и попеченіяхъ града, кто дастъ крыль яко голубинѣ и полещу и почію. Могу ли сказать себѣ, или когда наконецъ возмогу сказать, се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни, т. е. когда облегчуся отъ *бремень чужихъ*, чтобы обратить все попеченіе къ облегченію *собственнаго*, да никакимъ проповѣдая, самъ неключимъ буду ¹⁾. Такъ и Филаретъ, какъ и Платонъ, сидя на архипастырскомъ престолѣ первопрестольной столицы, жаждетъ *покоя и уединенія*. Но *смысль* этой жажды совершенно различный.

Настоящій суровый монахъ—созерцатель, пустынножитель даже въ своемъ митрополичьемъ домѣ среди самаго бурнаго водоворота жизни,²⁾ Филаретъ *тяготится* дѣлами жизни общественной, какъ *чужими бременами* ³⁾, отвлекающими его отъ самоуглубленнаго созерцанія лица Божія, и жаждетъ пустыни, настоящей пустыни иноческаго безмолвія *Гевсиманскаго скита*, гдѣ нѣтъ и помина о жизнерадостныхъ „музахъ“ платоновскаго Виванскаго „Олимпа“ ⁴⁾, но гдѣ среди отвергшихся радостей міра суровомолчаливыхъ подвижниковъ „удобнѣе подражать безплотнымъ и воспринимать тайныя посѣщенія Св. Духа“. Но какъ тягота чужихъ бременъ

¹⁾ Сочиненія Филарета м. Московскаго. Слова и рѣчи, т. IV стр. 196—197; 199 М. 1882; т. II стр. 342—347. Ср. Корсунскій „Святитель Филаретъ“, стр. 189—196.

²⁾ „Келлія великаго іерарха каждый день, когда окончивались отношенія его къ міру, не обращались ли въ пустыню, гдѣ онъ, не развлекаемый суетною молвою, погружался въ духовное созерцаніе, духомъ, мысленно сердцемъ пребывая съ Богомъ. (Сборникъ... по случаю 100 юбилея, стр. 40),

³⁾ „Не знаю, что такое. Я какъ въ неволѣ. Каждый день столько нападаетъ на меня и людей и дѣлъ“ (Письма къ Антоію III, 265).

⁴⁾ Такъ называли себя и свое жилище насельники созданной Платономъ Виванской семинаріи въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ, наполненныхъ именами и образами древне-греческаго міра. См. статья прот. А. А. Бѣляева. Самыя стихотворенія—въ описаніи рукописей бібліотеки Виванской семинаріи свящ. Муретова.

возложена на него Самимъ Богомъ, чувство нравственнаго долга запрещаетъ ему сбросить ее съ себя, чтобы идти путемъ болѣе пріятнымъ по волѣ своей ¹⁾, и онъ стоитъ на стражѣ церкви Московской и всей Русской, какъ величаво-могучая несокрушимая скала, до конца жизни своей.

Для Платона въ самой дѣятельности общественной нѣтъ *чужого бремени*. Для него каждое дѣло, какое бы онъ не начиналъ дѣлать, и каждый человѣкъ, который входитъ въ сферу его дѣятельности, чрезъ то самое становились *своимъ собственнымъ дѣломъ и своимъ человѣкомъ*. *Чужое время* для Платона—это только то *дѣло*, въ которое онъ не можетъ вложить своихъ силъ и своей совѣсти, *чужой человѣкъ* это только тотъ, кто не хочетъ пользоваться его силами и не вѣритъ и не уважаетъ его совѣсти. Однимъ словомъ, *чужое время* для Платона—это всякое дѣло внѣ атмосферы нравственнаго долга въ условіяхъ дружественно-родственныхъ отношеній. Такое чужое время, по сознанію Платона, время не отъ Бога, но отъ грѣховнаго, извращеннаго міра, время, съ которымъ нужно или бороться, внутреннею силою духа и уничтожить, или же отъ него бѣжать, чтобы самому не быть его рабомъ. И Платонъ сначала пытается бороться, но потомъ, чувствуя безуспѣшность и недостаточность внутренней силы для борьбы, рѣшается бѣжать.

И бѣжить въ уединеніе Визаніи.

Въ письмѣ къ знаменитому Георгію Конисскому, архіепископу Бѣлорусскому, Платонъ пишетъ по этому поводу: нѣсколько въ градѣ бывъ, выходилъ я на подвигъ противъ пререканій, но *міръ превозмогъ и слабость моя со стыдомъ оному уступила* ²⁾. „Въ трудахъ отъ юности моя вознесся же, смирихся и изнемогахъ, писалъ онъ князю Потемкину по поводу того же своего рѣшенія объ удаленіи на покой³⁾).

¹⁾ „Что мнѣ дѣлать? Кажется, хорошо было бы если бы меня отставили, а просить сего сомнѣваюсь, чтобы то не было *блгство*. Письма къ Антонію отъ 8 марта 13 ноября 1858 г.; см. Корсунскаго, стр. 714, 715 721.

²⁾ Москвитянинъ 1842 г. ч. I стр. 120 и 122. Снегиревъ Жизнь, ч. I, стр. 83.

³⁾ Снегиревъ, Жизнь, ч. I, стр. 125.

Въ Автобіографіи Платонъ указываетъ болѣе конкретно причины и цѣль своего удаленія въ Візанцію.

„Началь онъ скучать правленіемъ епаршескихъ дѣлъ; по для того, акибы или дѣла отягощали, или паствою быть недоволенъ. Нѣтъ, и къ трудамъ онъ былъ неутомимъ и паствою любимъ; ибо хотя и были нѣкоторыя недовольныя, какъ то безъ сего и пробыть нельзя, но большею гораздо частію честныхъ и благонамѣренныхъ людей таковыхъ недовольныхъ или роптанія или отзѣвы были заглушаемы и Платону не причиняли многого смущенія или въ трудахъ ослабленія. Но нѣкоторые въ главной его командѣ или завистію подстрекаемы, или въ его оужденіи находя свои выгоды и повышенія, или не видя въ немъ къ своему честолюбію угожденія и уваженія, а особливо примѣтя, что и Императрица по нѣкоторымъ также внушеніямъ, хотя не совѣмъ, однако не мало уменьшила свою благосклонность: по всѣмъ симъ причинамъ начали по командѣ причинять архіепископу многія затрудненія, досады, приказанія привязки и добрыхъ его намѣреній и дѣлъ въ худую сторону толкованія ¹⁾. „Тѣ, кои власть по командѣ духовной имѣли въ своихъ рукахъ, почитали его для себя тягостнымъ, и не надѣялись себя возвысить и усилить, развѣ униженіемъ и ослабленіемъ его: всѣ изобрѣтали способы его безпокоить. Нѣкоторые являлись просители въ Синодѣ, что никогда не бывало. Ибо узнали, что есть такіе, кои тому рады, и имъ помогать будутъ. И хотя сіи просителя по дѣлу не могли ничего получить, но оказались виновными: по между тѣмъ разными спросами, справками, и нарочнымъ продолженіемъ былъ Митрополиту обезпокоиванъ. При томъ въ Москвѣ, чего ни въ каковой почти епархіи нѣтъ, команда раздѣлилась, весь городъ и монастыри въ командѣ Митрополита; но нѣкоторые монастыри и два Собора, подѣ въдомствомъ Синода. Сии Архимандриты, и Соборныя попы ²⁾, Митрополиту не токмо во многомъ не повиновались по обрядамъ церковнымъ, но и досады разныя

¹⁾ Автобіографія стр. 234.

²⁾ Самый безпокойный и опасный изъ нихъ былъ протоіерей Петръ Алексѣевъ. Объ его отношеніяхъ къ м. Платову см. „Русскій Архивъ“ 1884 г., кн. II, „Петръ Алексѣевъ, протоіерей Московскаго Архангельскаго собора“.

причиняли. Что было тѣмъ несноснѣе, что все начальное служеніе надлежало было отправлять въ Успенскомъ, ему не подчиненномъ Соборѣ, и съ тѣми Архимандритами. Имъ наипаче содѣйствовали взошедшіе въ особую у Императрицы довѣренность, Митрополитъ Новгородскій Гавріиль, и Оберъ-Прокуроръ Пушкинъ, кои два въ Синодѣ, дѣлали, что хотѣли, и явно властію Синодскою, и тайно, ухищренными способами. А другіе, имъ угождая, хотя и нехотя, тому же последовали. Сіе столь беззаконно Митрополита, что онъ почти едва какое служеніе могъ отправлять въ Успенскомъ Соборѣ съ спокойнымъ духомъ. При томъ и къ Императрицѣ отзывался о разныхъ епархіескихъ дѣлахъ: однако не только не получилъ удовольствія, но ниже отвѣта²⁾. Все сіе примѣчая и видя, Платонъ началъ нѣсколько скучать правленіемъ епархіи, *имѣя ко всему ревность, но руки связанныя*. Всѣми сими обстоятельствами бывъ побужденъ и при томъ всегдашній уединенія любитель, разсудилъ устроить вышеупомянутое ему милое мѣсто (т. е. Виванію): съ тѣмъ, чтобъ еще нѣсколько продолжать правленіе епархіи и, приближаясь къ старости, отказаться отъ оной и уединиться въ ту пустыню и тѣмъ окончать послѣдніе свои годы въ тишинѣ¹⁾.

Итакъ, изнемогши въ образѣ отрицанія *чужого бремени*, дѣлъ и людей чуждыхъ по нравственнымъ началамъ и идеаламъ, но *сохраняя въ себѣ еще неутолимую жажду и энергію къ дѣятельности*. Платонъ бѣжитъ въ Виванію, какъ всегдашній уединенія любитель. Но мы уже знаемъ, какого уединенія любитель былъ Платонъ: это—уединеніе жизни и дѣятельности въ интимной атмосферѣ отечески-дружескихъ отношеній. Не покоя отъ трудовъ и людей ищетъ онъ себѣ здѣсь, но такой ограниченной сферы дѣятельности, въ которой не приходилось бы вовсе сталкиваться съ чужимъ бременемъ, въ которой было бы *все своимъ* по началамъ жизни и жизненнаго строя. И вотъ создается скромная, пустынная и потому чуждая интересамъ оффиціального міра Виванія.. создается монастырь, и эта родная намъ школа, какъ уголокъ, какъ малый живой мірокъ, гдѣ все должно быть со-

¹⁾ Автобіографія, стр. 233.

²⁾ Автобіографія, стр. 234.

мымъ полнымъ, самымъ чистымъ порожденіемъ и воплощеніемъ духа, сердца Платона. Здѣсь созидается ячейка, гдѣ все тѣсно связано съ м. Платономъ и между собою узамъ общаго духовнаго рожденія. Виѳанія отдааетъ онъ полноту своей творческой энергіи и создаетъ здѣсь изъ сотенъ молодыхъ загорающихся жизней духовную трудовую и жизне-радостную семью, въ которой отражаетъ внутренній обликъ свой съ его *неутолимою тоскою по правдѣ въ дружбѣ и дружбѣ въ правдѣ*, въ которой согрѣваетъ другихъ и взаимно согрѣвается самъ на закатѣ дней своихъ теплотою духовно-родственныхъ, отечески-сыновнихъ отношеній...

М.м. Г.г. Стоитъ доселѣ созданная Платономъ Виѳанія какъ памятникъ его великаго духа... Столѣтіе пронеслось надъ нею, какъ и надъ всею русскою церковью... На смѣну мягко-гуманному Платону пришелъ суровый Филаретъ. Какъ вѣрный ученикъ, онъ *продолжилъ и закрѣпилъ* плоды трудовъ своего великаго учителя; свой трудъ онъ вложилъ въ дѣло жизни Платона такъ, что великое наслѣдіе обоихъ сливается до нераздѣлимости въ одно Платоно-Филаретовское, составляющее основу всей нашей наличной церковной жизни. Все, вызванное къ жизни мягкими, теплыми лучами нравственнаго облика Платона, онъ *воспиталъ и возрастилъ* въ холодныхъ лучахъ собственнаго, и... рядомъ съ памятникомъ духа Платонова—*Виѳаніей* поставилъ памятникъ и своему не менѣе великому духу—*скитъ Геосиманскій*.

И стоять теперь эти два памятника другъ предъ другомъ, какъ два символа двуединой эпохи, пронесшейся надъ русскою церковью и вмѣстѣ двухъ жизненныхъ идеаловъ.

И когда смотришь на эти два памятника вмѣстѣ, невольно сравниваешь и два запечатлѣнныхъ на нихъ жизненныхъ облика.

Вотъ суровая, молчаливая Геосиманія. Тамъ Филаретъ... Это святыня правды Божіей, озаряющая землю съ далекихъ неприступныхъ высотъ неба... Вотъ жизнеобильная Виѳанія. Здѣсь Платонъ... Это святыня правды Божіей, спускающаяся на землю, облекшаяся въ немощь человѣческой плоти и озаряющая міръ изъ-подъ густаго покрова земныхъ человѣческихъ чувствъ и желаній.—Неприступныя высоты неба вызываютъ въ душѣ благоговѣйный трепетъ, и въ этомъ трепетѣ невольно склоняешься предъ Геосиманіей и суровымъ обликомъ Фила-

рета. Но святѣннѣ Божіа въ одеждѣ немощей человѣческой плоти ближе, дороже человѣческому сердцу, какъ ближе, дороже ему явленіе любви Божіей въ немощи плоти во Христѣ, нежели явленіе той же Божественной любви съ грозно-непрístupныхъ высотъ Синая... И сердце влечется къ Візаніи, сердце молится Платону.

Василій Виноградовъ.
